

Федор Чешко

Изверги

Сказанья о были и небыли

Федор Чешко

Изверги

«Снежный Ком»

2001

Чешко Ф. Ф.

Изверги / Ф. Ф. Чешко — «Снежный Ком», 2001 — (Сказанья о были и небыли)

"...После возвращения Кудеслава-Мечника в род старики лишь однажды спрашивали да слушались его советов – во время распри с мордвой. В том, что отбились, Кудеслава заслуга едва ли не главная. Впрочем, про то нынче и вспоминает, похоже, один только Кудеслав... ..В первый миг ему показалось, что изба рушится. Словно бы распираемый изнутри неведомой силой, дальний угол ее выпятился наружу черным уступом-горбом. Кудеслав не шевелясь ждал медвежьего выбора: попятиться ли, продолжить игру в смертные прятки, напасть ли сразу – на то сейчас воля людоеда... ..Кто-то с хрипом оседал на землю, последним судорожным движением вцепившись в древко пробившей горло стрелы; кто-то скулил – пронзительно, жалко, как недобитый щенок; кричали, стонали убиваемые и раненые; страшно вскрикивал воздух, пропарываемый острожалой летучей гибелью; и надо всем этим кровянул тусклый, будто бы оскоряющийся лик Волчьего Солнышка... ..Зачем тебе будущее, которое несут крылья стервятника? Каким бы оно ни казалось – зачем?.."

Содержание

1	6
2	17
3	37
4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Федор Чешко
Изверги
(Урман)

Светлой памяти моего отца и наставника

1

Весна выдалась затяжная, гнилая да слякотная. Уже вскрылась и отгремела ледоходом Истра, уже появились на лесных озерах да болотинах первые разведчики приближающихся перелетных стай, а зима все огрызалась. Ночи звенели нешуточными заморозками, снег в лесу сошел только на полянах, дождливая морось оборачивалась вдруг короткими злыми метелями, а вдоль речных берегов стойко держались кромки почернелого, но все еще прочного льда.

Вымученное бескормицей лесное зверье тянулось к человеческому жилью. Лисы и прочая мелкота не таясь разгребали мусорные кучи под самым земляным валом – низким, оплывшим подножием частокола, который еще прадедами был выстроен вокруг общинного града для защиты от внезапных нападений. А вечерами ближний лес захлебывался разноголосыми переливами жалостных и одновременно грозных стенаний – свидетельством плотной волчьей осады. К середине ночи волки нагтели; смутные огнеглазые тени выскальзывали на открытое, приступали все ближе, выискивая, нельзя ли, взбежав на вал, где-нибудь перескочить или протиснуться сквозь местами вгрузший в землю, местами рассевшийся тын. Крики и мельтешение факельных огней на его зубчатом гребне уже почти не пугали серых – все чаще ночной стороже приходилось камнями да стрелами отгонять алчных клыкастых тварей, каждая из которых загривком была по пояс рослому мужику, а в прыжке могла бы сшибить с ног лошадь.

С рассветом волки уходили, однако не все. Те, что посмелее (верней – что поголоднее, ибо волчья отвага рождается не в сердце, а в пустоте урчащего брюха) норовили затаиться среди прозрачного редколесья, с трех сторон обступившего градскую поляну.

Человек (даже из умелейших скрадников) вряд ли бы выискал место для надежной невидной засады меж порченных дровосеками да частыми низовыми палами скудных полумертвых деревьев – особенно ранней весной, когда снег с открытых мест уже сгинул, а трава еще не ожила. Но хищный зверь в надежде набить живым мясом ссохшееся голодное брюхо исхитрится совершить невозможное и для человека, и даже для Злых.

И все-таки редко, очень редко сбывались волчьи надежды. С первым светом ночные сторожа разбредались по избам – спать, но вместо них на тын залезали подростки, готовые поднять крик при виде малейшей опасности; а родовичи, уходящие по надобным общине делам к реке или в лес, сбывались в немаленькие ватаги – при оружии, при смелеющих днем собаках... Да и мало по ранней весенней поре было у людей дела вне града. Пушная охота закончилась (звериный мех плошает перед линькой); добыча пролетной птицы покуда не начиналась. Ягодникам, бортникам, углежогам еще нечего было делать в лесу. Дровяные да мясные припасы тоже не исчерпались – очень редки бывали неизобильные годы, когда добытого с осени и в начале зимы не хватало до прочного тепла; дровами же среди буйного леса не запасется с избытком только ленивый либо вовсе безрукий.

Вот на рыбную ловлю ходили, но опять же ватагами: одному, без невода – с остройгой либо с удой – на реке недобычливо. И женщины частенько выбирались на берег стирать да ворошить на влажном речном ветру залежавшуюся по ларям летнюю одежду – снова таки под охраной оружных мужиков.

Так что зря, зря волки изнуряли себя попытками подстеречь неосторожного человека – потому и редка была среди родовичей неосмотрительность, что беспечным выпадал очень недолгий век. Позже, теплой порой волчья тяга к человеческому жилью обретала новый смысл: люди начинали гонять на вольный выпас дожившую до густотравья скотину. Теперь же лес был слишком скуден кормом, и не имело смысла ради насытной пастьбы рисковать малочисленной живностью. И без помощи волчьих клыков зимняя проголодь унесла почти половину лошадей и не менее трети кудлатых да клыкастых полудиких свиней – это несмотря на то, что многие

родовичи начали разорять травяные и камышовые крыши, жертвуя теплом жилищ ради сытости изможденной скотины.

Да, весна выдалась гниловатая, долгая. А в общем-то мало чем была она примечательна, весна эта. Почти такие же заботы донимали общинников и в прошлом году, и в запрошлом, и в за-запрошлом, и в за-за-за...

Вот только слухи...

Кто-то якобы слышал да видал, как однажды ночью на подворье углежога Шалая чёрный кабан по-пёсы выл на ясные звёзды.

Кто-то якобы заметил в грязи близ причальных мостков чудной след: словно бы прошло там нечто, у которого вместо лап крохотные детские кулачки (бабы потом дня три отказывались ходить к реке – боялись Кикиморы).

Кто-то якобы среди бела дня и чуть ли не на самой градской поляне натолкнулся на великанского красно-рыжего волка, не отбрасывающего тени – натолкнувшийся от испугу сомлел, а когда очнулся, чудовище исчезло, не оставив по себе ни следа, ни хоть единой мятой травинки.

И ещё якобы кто-то своими ушами слышал, как волхв Белоконь говорил родовому старейшине: "Плохая нынче весна. Такой плохой никогда ещё не случалось".

Старики морщились, пренебрежительно хмыкали. Другое-то всё ладно, чего не бывает... Спяну, впотьмах да издали псину счесть кабаном; боги знают за что принять следы ребячьей игры в грязи; внезапно наскочив на волка, от испуга увидеть невесть какую жуть – неожиданный страх зренью лукавый обманщик... Но вот чтоб Белоконь этакое отпустил с языка?! Враньё! Премудрый волхв не стал бы опрометчивыми словами накликасть-приманывать беды!

Почтенным старцам легко было опровергать досужие сплетни. В самом-то деле, не пойдёт же сплетник к общинному голове с вопросом: "Верно ли мне подслушалось, будто бы волхв с глазу на глаз говорил тебе то-то и то-то?" Сплетники – они себе не враги.

Потихоньку, полегоньку слухи привяли, улеглись. И забылись. Вот только... Сами-то старики верили своим возражениям? Может, и так. А может... Уж они-то (если и не каждый, то многие) действительно могли бы кой о чём расспросить старейшину, а то и самого Белоконя... Но разумно ли это – неосмотрительными расспросами накликасть-приманывать беды?

Не разумно.

Не более разумно, чем те же беды накликасть неосмотрительными рассказами.

* * *

Небо на востоке блекло; звездная чернота выцветала рассветным заревом. Смутная, но уже различимая тень заречного леса перекинулась через Истру, подмяла причальные мостки, привязанные к ним лодки, днища зимовавших на берегу больших челнов, и дотянулась зубчатой кромкой почти до самого подножия градского тына. Вот-вот над вершинами дальней чащи объявит свой лик Хорс-Светозарец, и ночь умрет, а вместе с нею сгинет власть алчной нежити и хищного зверья.

Сгинет.

До следующей ночи.

Жердяной настил, опоясавший изнутри частокол-огорожу (шириною чтобы двоим разминуться, а высоту – чтоб у стоящего в рост лишь голова торчала над тыном) чинили редко и без особого тщания. Не свое ведь, общее, а лишнего времени и ненужной силы нет ни у кого. Авось и так не обрушится. И впрямь покуда еще не случалось, чтоб кто-либо из сторожей упал, проломившись сквозь трухлявые жерди. Не случалось потому, что привыкли сторожа ходить по настилу, будто по хляби болотной – прежде чем ступить всей тяжестью, пробуй: тут ли ногу поставить, или чуть в стороне? Привычка эта давно уже въелась в нутро, и Кудеслав шагал, как шагало – не глядя. Ноги сами пронесут безопасным путем, как мудрый бывалый конь про-

носит через трясины задремавшего всадника. С такою же легкостью ходили и остальные; легкость – то не диковина. Дивом казалось другое: неслышность Кудеслава шага. Даже лучшие из охотников, умеющие бесплотной тенью проскользнуть сквозь самые трескучие дебри, выдавали себя на градском частоколе визгливым скрипом предательского настила. А Кудеслав... Среди общинных охотников не второй и не пятый (легче от конца отсчитать, нежели от начала); не молод, червертый десяток доживает – как раз тот возраст, когда матерееет мужик, теряет легкость движений и гибкость тела. И походка у него вроде бы неуклюжая, вразвалку, а поди ж ты... Будто и не касается трухлявых жердей. Видать, не зря нарекли его Кудеславом; видать, удался он в отца своего – того нынче лишь старые помнят, а в былое время чттили Кудеслава родителя как могучего ведуна-кудесника не только его родовичи, но и вовсе дальние люди. И Белоконь, хранильщик святилища Рода-Светловида, наверное, жалуется и привечает Мечника не ради одной лишь памяти о дружбе с отцом. Так ли, иначе; перенял Кудеслав отцовскую силу или нет, а только очень уж непростой он человек, Кудеслав-то. Непривычный. Неправильный. Вроде и впрямь собственному роду чужой.

Сказать подобное остерегутся (тем более – в глаза), но подумают так многие. И сейчас эти мысли наверняка бы закопошились в головах у сторожей, заметь те приближение Кудеслава. Только сторожа его не заметили. Кажется, они даже не обратили внимания, что Кудеслав не с ними, а все еще бродит по тыну да озирает окрестности.

Сторожа примостились над лесными воротами, где настил не жердяной, а из прочных березовых горбылей, и так широк, что хватило места усестся всем пятерым. Светает, зверье отшатнулось к лесу, можно теперь и за беседой скоротать недолгое время, оставшееся до ясного утра. Вот и коротали.

Собственно, была это не беседа, а скорей поучение. Все слушали Глуздыря – щупловатого старика, узкоплечего, большеголового, длинноносого, с каким-то пегим клочковатым пухом вместо бороды и волос (впрямь ни дать, ни взять – неоперившийся птенец; отсюда и прозвище).

– Всякое слово не просто так, в каждое что ни на есть упрятан тот самый смысл, которое оно собою обозначает, – говорил Глуздырь, задумчиво поскребывая ногтями под нахлобученным на лоб пушистым лисьим треухом. – Думаете, пращур, выдумывая слова, просто так один перед другим изгалялись – кто, мол, позабористее языком выплетет? Не-е-ет! Везде смысл запряган. Вот хоть такое слово: "медведь". А вот и смысл его: тот, значит, из зверей, который лучше других ведаёт мед.

– А в слове "мед" какой смысл упрятан? – ехидно спросил Кудлай (крепенький паренек, ужасно гордящийся своей едва заметной бородкой и несоразмерно, чуть ли не до уродства крепкой да жилистой шеей). Спросил и подтолкнул локтем подремывающего соседа: гляди, мол, как дедушка станет изворачиваться, выдумывая умный ответ.

Глуздырь покосился на непочтительного юнца, выговорил с достоинством:

– Надобно бы родителю твоему сказать, чтоб вожжами поучил тебя, орясину, не перебивать старших. Мог бы я вовсе не отвечать на дерзкий вопрос, ан все же отвечу. Смысла иных слов мы теперь постигнуть не можем – леность людская исковеркала их, погубила изначально ради удобства выговора. Однако же есть и слова непорченные, смысл которых еще можно угадать. К примеру тебе, "влакодлак"...

Дремавший сосед Кудлая вздрогнул, открыл глаза и с неодобрением уставился на говорливого старика. Тот продолжал:

– Разумный да пытливый, подумав, смекнет, что происходит это слово от сочетания слов "волк" и "длань". Стало быть, означает оно человека, который единым мановением длани может обратить себя волком...

– Да непохоже, – вновь перебил Кудлай. – И не мановением длани, а, сказывают, пень надобно знать потаенный: кувыркнулся через него – волк; кувыркнулся обратно – опять человеком сделался.

Глуздырь бросил скрестись и резко, всем тщедушным телом своим повернулся к парню: – Сызнава старшему перечишь, пащенок?! "Не похоже!" – визгливо передразнил он. – Сказано тебе: порчено слово ленью людских языков! Пень ему... Сам ты пень! Слушать сперва выучись, да язык на привязи держать, и до седины доживи, а уж тогда решайся судить, что на что похоже!

Старик, наверное, долго бы еще шкварчал, как жир на очажных камнях. Но сидевший за спиной у Кудлая кряжистый мрачноватый Кощей громко и чувствительно хлопнул ладонью по затылку расходившегося парня (крепко хлопнул, едва шапку не сбил); а когда юнец дернулся было вскочить, неторопливо сунул ему под нос черный от вьевшейся копоти волосатый кулак размером чуть ли не с Кудлаеву голову.

– Не хошь – не слушай, а рота не раззявай, – внушительно пробасил Кощей. Он так и не научился правильному выговору, этот давний кощей-полоняник, несмышленным мальцом найденный в чаще охотниками здешнего рода. Маленькому хазарину посчастливилось: случись такая находка перед весенним либо осенним торжищем, отвезли бы и продали меж других общинных товаров. Продали бы скорей всего его же одноплеменникам, неволя у которых сложилась бы куда тяжелее. А так – прижился, и живет уже более двух десятков лет в семье своего поимщика, и считается в этой семье почти своим, даром что лицом не такой, как другие и до сей поры не по-здешнему ломает речь. Вот Кудлаю, небось, сейчас и в голову не придет потешаться над этим ломанием, дразнить косноязыкого.

Удовлетворившись тем, что строптивца окоротили, Глуздырь снова завел свое:

– А вот еще недопорченное: "коварство". Происходит оно от слова "ковать". Ведь ведомо, что кователи-кузнецы от века недобро славятся всяческими живодерствами да злым волхованием-чародейством. Людей заманывают в свои потаенные берлоги и губят – железо калят в живом человечьем теле. А еще...

– Да что ж ты заладил нечисть всякую поминать?! – не выдержал, наконец, кто-то из сторожей. – То кователи, то оборотни... Да еще истинными именами зовешь! Других, что ль, слов нет?!

Глуздырь поперхнулся недосказанным. И впрямь получалось неладно. Спасибо еще, что вот-вот рассветет: по вечерней либо ночной поре могли бы не посчитаться со старшинством да надавать тумачков за неосторожные речи.

Впрочем, насчет тумачков могло и теперь по-всякому обернуться. Особенно после того, как под ногой беззвучно подошедшего Кудеслава скрипнула-таки жердь-предательница.

Больно уж кстати пришелся внезапный скрип при таком разговоре; чересчур получилось даже для неробких мужиков-охоронщиков. Кто-то едва не сверзился с шаткого настила; кто-то лапнулся за топор, чуть не спихнув вниз соседа; кто-то поспешно забормотал отворотное... Зато когда доморгали-таки что к чему, вся досада сорвалась на Кудеславу голову, а Глуздырь вышел вроде и не при чем. Настолько не при чем, что даже злее других напустился на нечаянного пугателя.

– Ты, Мечник, впрямь того... Тебя будто во младенчестве темечком на пень уронили! Не можешь, что ль, по-людски ходить, а не как жуть бестелесная? И чего ходить-то, чего?! Тут тебе не вражья людская ватага под тын приступила, понимать надо! Волк али другой какой зверь об этой поре уж не сунется, так ты сядь себе и сиди спокойно с другими вместе, дня дожидайся. Нет, он ходит, все ходит, ровно опять с супостатами своими железноголовыми от людей в осаде сидит! До первой седины дожил, а леса не знаешь! Ну, чего зубы оскалил? Этакое беспокойство обществу наделал – и радешенек, оскалится! Одно слово – Ур... Ур... Уразуметь же надо глупость свою!

Все-таки опомнился Глуздырь, в самый последний миг успел проглотить третье, обидное прозвание Кудеслава. Хоть и не слишком ловко припрятал старик рванувшееся с языка словцо, а все ж припрятал. И на том спасибо, и то добро.

– Да уж будет тебе, – Кудаслав действительно улыбался (без насмешки, миролюбиво). – Ты сказал – я понял, чего ж лишнее толочь языком?

Он устроился на прогнувшихся под новой тяжестью горбылях вблизи гневно сопящего старика, отодвинул чей-то небрежно кинутый топор, поудобнее повернул привешенный к поясу меч (из-за пристрастия к этому оружию и повадились звать Кудеслава Мечником – некоторые, подглядев и недопоняв, уверяют, что он даже дрова мечом вместо топора колет).

– Ну будет же, говорю! – Кудеслав легонько потянул Глуздыря за локоть. – Лучше скажи, чего это у вас такой мудреный разговор затеялся. Ровно тебе и не общинные сторожа, а филозофы-романорумы...

Заметив недоуменное (а то и обиженное) зыркание, он поспешил разъяснить:

– Это такие премудрые старцы живут у теплых морей – очень они любят доискиваться, что от чего происходит и какой в чем смысл.

Что ж, премудрые старцы, даже пускай и не своего племени – это сравнение не обидное.

Успокоились.

Обмякли.

Кое-кто наладился подремать. Глуздырь было приоткрыл гнилозубую щель меж усами и бороденкой – верно, собрался объяснять, отчего затеялся мудреный разговор – как вдруг, перебив сам себя, с неожиданной злобой прищелкнул на успевшего захрапеть Кудлая.

Снова повскидывались сторожа, впились напряженными взглядами в застывшее старческое лицо. Ясно было, что Глуздырь чует неладное, но с расспросами никто не лез. Поймет – сам все объяснит, мешать же приставаниями опасно и глупо. Опасно не для него, не для себя – для всего родового града. Чаща – она-то кормилица, да только не одних людей она кормит. И даже так сказать надо: не одних людей вятского корня.

Глуздырь слушал. И другие тоже слушали, не сводя с него глаз. Слушали и слышали.

Дальний волчий вой – тягостный, переливчатый, тревожный. Вот подхватили еще, где-то ближе, разборчивей...

– Вроде, гонят кого? – жарко шепнул кто-то над самым Кудеславовым ухом.

– Не гонят, – досадливо дернул плечом Глуздырь. – Не как о добыче кричат, а... Будто бы следом идут за кем-то, а нападать не хотят. Диво какое-то!

Глуздырь говорит: "диво" – значит, диво и есть. Лучше его никто в роду не умеет разбирать волчьи беседы. Разве только в кузнечной слободе могут найтись равные умельцы, или еще среди извергов... Да, двое-трое равных может и сыщутся, а лучших наверняка нет даже у мордвы, которая душой в лес вросла крепче Вятковых потомков.

Старик вдруг встал, пихнув Кудеслава в плечо. Встал и словно заостенел. На фоне уже совсем светлого неба четко выделось запрокинутое Глуздырево лицо: сорная, растущая кое-как бороденка вздыблена; нос хлопотно пошмыгивает; мутные глаза прищурены и набрякли слезами, будто бы там, в вышине силятся разглядеть что-то невидимое, но важное теперь...

– Верховой бежит, – внезапно сказал Глуздырь и неуклюже сел на прежнее место. – Бежит сюда. Один. Волки не трогают. Роятся вокруг него, словно пчелы у бортяного дупла, а не трогают, как если бы он им свой... Ну, чего уставились?! – визгливо крикнул старик, снизу вверх зыря на обращенные к нему недоуменные лица. – Разъяснений дожидаетесь? Так я ж сказал: диво. Чего вам еще?

Он так и остался сидеть; он даже не шевельнулся, когда прочие, навалившись грудью на тын, повыставляли лица между острыми концами бревен.

Верховой замелькал среди порченого редколесья в тот самый миг, когда долгожданная солнечная кромка брызнула на мир плавленной медью сквозь вершины заречной чащи. На голой земле между голых стволов можно было еще издали хорошо разглядеть и самого верхового, и лошадь.

Лошадь, кстати, стояла того, чтобы приглядеться к ней особо. Сытая, выгулянная, ухоженная – не чета она была заморенным градским одрам, всю зиму почти безвыходно промазывавшихся в тесных стайнях, а то и прямо в хозяйских избах. Шла она спорой рысью, и видать было, что по желанию всадника могла бы намного прибавить прыти. Однако всадник этого не желал. Всадник явно не боялся хороводившейся вокруг него волчьей стаи (конечно, волки на открытое место не показались, но от их песен уши закладывало).

То, что всадник не боялся хищных зверюг – диво не велико: бывают же на свете и полонные люди, и вовсе которые без ума. Но волков не боялась и лошадь, а уж ей-то положено быть умнее. Под такие бы завывания другая безо всяких нуканий понесла во всю прыть, да так, что и здоровенному мужику не сдержать. А эта мало того, что не спешила, так еще и голову вскидывала, скалилась злобно, если какой из серых взывал вдруг ближе других. Оба, стало быть, пустоголовые – и седок, и кобыла. Но ведь не тронуло же их зверье, пропустило! Впрямь диво какое-то...

А дурень-всадник еще и полушубок из волчьего меха в дорогу надел, и треух такой же. Вот это уж точно всем дуростям дурость: волки – они как люди мстят за своих. Но ведь пропустили же!

Пока обалдевшая сторожа молча дивилась происходящему, верховой успел подъехать к самым воротам и вскинул голову, рассматривая виднеющиеся над частоколом лица.

Худенький малец (лет тринадцать ему, не более), бледненький, синеглазый; ближе к теплу вздернутый нос наверняка облепится веснушками. За ремнем-опояской заткнут легонький топорик, у седла висит лук – короткий, без костяных накладок, из такого только белок пугать. Но одет зажиточно: вывернутые мехом внутрь рукавицы расшиты цветным узором (мордовская работа, купленная); на ногах – хазарские сапоги (стоптанные, битые стремями и видать, что не по ноге, а все ж голоусому мальчишке и в лаптях было бы ладно). Что ж за родитель у него?

Родитель... Зверина такая – на красные безделки-то не поспешил, а как же хватило совести гнать несмышленное дите ночью в лес к верной гибели?! Да, гибель-то была верная, вот только малец живехонек... Как же так?

– Здравствовать вам, – хрипловато сказал малец и скривился: видно, треснула помороженная губа.

На приветствие никто не ответил. Сторожа с подозрением вглядывались в бледное детское лицо, придирчиво рассматривали густеющую на выбеленной инеем земле тень всадника – правильная ли тень, не обман ли? Кто его знает, что за мальчишка такой; мало ли, чей он... Поди знай кого может выпустить из себя дебрь-кормилица, которая кормилица не одним только людям... Мало ли, что день занимается – может, таки накликал недоброго гостя давешние глупые разговоры? И, может, родитель этого вот мальчика-заморыша впрямь зверина – не лишь по дурному норову, а самый что ни на есть?.. Вроде никто не рассказывал, чтобы влакодлаки верхом разъезжали, а только лошадь под этим-то может быть совсем и не лошадь...

– Ну, так отворите, или как? – парнишка поежился не то от холода, не то от недобрых взглядов. – Или мне тут дотемна мерзнуть?

Молчали сторожа. Наконец Кудеслав, раздраженно зыркнув на прочих (что ж, впрямь до вечера решили в гляделки баловаться?!) спросил:

– Ты чей?

– Волхва Белокопя я, – малец вновь знобко передернул плечами. – От него к вашему старейшине послан. Беда у нас, но о том я одному Яромиру скажу – так мне велено.

Сторожа оживились, задвигались. Если и впрямь чудной парень прислан от Белокопя, тогда любое диво понятно. Белокоп – он многое может, не только волкам повелевать.

– А что-то я тебя у него ни разу не видывал, – Кудеславово сомнение вновь заставило градских охоронников насторожиться.

– Я у него недавно, – парнишка говорил торопливо и жалобно, видно очень хотелось ему поскорей оказаться в тепле. – Купленный я. Прошлой осенью меня его сын выменял – не на Торжище, а так, у проезжих людей. А я тебя видал однажды. Ты-то меня впрямь не должен помнить – на Белоконевом подворье люду много, не приметил небось. А я тебя помню. Ты Кудеслав-Мечник, и еще люди кличут тебя Урманом.

За спиной у Кудеслава хихикнули – наверняка Кудлай не сдержался. Мечник коротко глянул через плечо (смех мгновенно затих); тем же недобрый взглядом полоснул по запрокинутому лицу коченеющего в седле мальчишки. Хотя что уж с него взять, не со зла ведь ляпнул – по незнанию. Да и верно говорят: из песни слова не выкинешь. Раз уж прилепилось нелюбимое прозвище, так теперь досужие рты затыкать бесполезное дело.

А Глуздырь тем временем вспомнил, что он здесь летами всех старше.

– Ну, чего пялитесь? – визгливо прикрикнул он на переминающихся охоронников. – Чего мальчика попусту морозите? Ему, чай, ночью-то несладко пришлось, а вы... Отворяйте ворота! Живо!

* * *

К Яромиру плохо лепилось слово "старейшина". Даже просто старым его назвать – и то язык с трудом поворачивался, хоть иначе вроде бы и не принято звать мужиков, век которых подбирается к шестому десятку.

Годами Яромир в роду не старейший. Глуздырь старше, и не только он; а глава кузнечной слободы Зван-Огнелюб, сказывают, почти вдвое богаче прожитым веком (очень может быть, что это чистая правда: говорят, будто кузнецы ведают жилы, по которым земная сила течет – ведают и умеют отпивать из них, как комарье отпивает из жил звериных да человеческих). Но бывает ведь так, что не очень еще старый человек длиною седеющей бороды, мудрым благообразием лика и степенностью движений внушает сородичам куда больше почтения, чем иные старцы, летами годящиеся ему в отцы.

Да, так бывает.

Но и это не о Яромире.

Не было в нем ни благообразия, ни степенности; его курчавая борода цветом напоминала гниловатые запрошлогодние листья и вечно стояла торчком; добавить к этому рябое лицо, высоченный рост, саженные плечи, ручищи-лопаты да гулкий рык вместо голоса – вот вам и Яромир.

Но все же его, а не кого-либо из степенных благообразных старцев почти единогласно избрали главой рода на общинном сходе четыре года назад. Говорят, будто этот сход был самым коротким и тихим из всех, бывавших на памяти ныне живущих родовичей – значит, ни до, ни после не случилось в общине подобного согласия, как в тогдашний день. Почему?

Чтобы понять, хватило бы единственного внимательного взгляда в маленькие барсучьи глазки нынешнего родового старейшины. Разум – хваткий и живой, не иссушенный множеством прожитых лет – куда ценней внешнего благообразия. И еще умение слушать других, умение признать чужую правоту – такое вызывает гораздо большее уважение, нежели властная непреклонность.

Так что пускай себе иноплеменные хихикают в кулаки при виде старейшины, который даже на старика не похож (случилось такое однажды, когда Яромир сам привел челны с общинным товаром на вешний торг). Ежели для кого длина да цвет бороды всего важнее, то и пускай себе – на чужую шею свою голову не нахлобучишь.

* * *

Кудеславу не удалось выспаться после бодрствования в ночном сторожении. По дороге домой казалось ему, что стоит лишь добраться до выстеленных мехом полатей у себя в закутке – и притомившаяся душа как в омут ухнет в беспробудную дрему. Но это только казалось.

Долго, очень долго метался-маялся Кудеслав под тяжелой и жаркой медвежьей шкурой. В голове ворочались, прогоняя сон, тревожные мысли. Присланный Белоконом малец сказал: у них беда. Что за беда? Здоров ли старый хранильник – отцов друг и самому Кудеславу неизменный желатель добра? Какая напасть могла припожаловать на волховское подворье? Напасть... И, видать, непростая, коль весть о ней можно доверить одному лишь старейшине рода!

Да и малец-посланник больно уж недоладный. То говорит: "Белоконев я"; то поминает, что его не сам волхв, а сын волхва у проезжих выменял – будто бы неотделившийся сын (а ни один из сыновей хранильника из-под родительской руки покуда не вышел) при живом отце волен распоряжаться отцовым достоянием! А еще малец сказал: "Беда приключилась У НАС". Всего зиму у Белоконя прокормился, а уже так говорит? Приживчивый, однако, мальчонка... Но хоть и приживчивый – разве позволительно купленнику величать хозяйское подворье своим? И обряжен он куда красней родных Белоконовых внуков – тех в строгости держат...

Все-таки бессонная ночь исподволь брала свое. Мало-помалу Кудеславы веки отяжелели; мысли сделались вялыми, путаными, и начало уже грезиться разомлевшему Мечнику смутно-заманчивое, бередящее душу видение, как вдруг чья-то рука вцепилась в плечо, затрясла, спугнула долгожданную дрему.

Кудеслав подхватился, заморгал обалдело – сквозь слипшиеся ресницы лицо разбудившего показалось нечеловеческим, зыбким, продолженьем спугнутого сна. Но был это всего-навсего Велимир, отцов брат, который после гибели родителей Кудеслава милосердно принял к себе их единственное малолетнее чадо, а заодно и все оставшееся без хозяев изрядное достояние.

– Вставай, – буркнул Велимир. – Тебя старейшина к себе кличет.

Он выпустил Кудеславово плечо и отошел от полатей, уронив за собою плотный меховой полог – это чтобы разбуденный мог выбраться из ложа, не смутив наготой случайный взгляд названной матери, названной сестры, жены названного брата или кто там еще из неродных женщин мог оказаться поблизости? Вот так-то: в бороде уже седые волоски появились, а ни семьи своей, ни хозяйства не нажил, и вместо жилья – занавешенный угол в отцовой избе, которая не тебе досталась и твоею никогда не будет. Кого винить? Злую долю-судьбу? Себя? Последнее будет вернее.

Впрочем, Кудеславу было не до тягостных сожалений о собственной неприкаяности. С новой силой ожил страх за старого ведуна: Яромир не станет ради какого-нибудь пустяка тревожить сородича, отдыхающего после ночных трудов на общинное благо. Не из-за Белоконева ли гонца старейшина кличет к себе Мечника Кудеслава?

Быстро оделся; по давней привычке шагу не ступать без оружия заткнул за голенище сапога короткий широкий нож; в тесных полутемных сенях черпнул ковшом из кадки снеговой талой воды, напился, остатки растер по лицу, добывая сонливость...

Снаружи оказалось нерадостно. Бывшее на рассвете ясным да чистым небо заволоклось мгlistой пеленой и сеяло ленивый влажный снежок. Оскальзываясь на подтаявшей глине, Кудеслав в полдесятка шагов пересек тесный дворик, махнул через жердяной плетеный забор (изнутри приступка и снаружи приступка – это чтоб не возиться с длинной неуклюжей воротиной, которую отворяют лишь выезжая со двора телегой либо верхом). Шапку он не надел,

полушубка не подпоясал – жильё старейшины от Велимирового через два плетня, так что по дороге вряд ли успеешь озябнуть.

Как и все те, которых родовичи когда-либо достаивали властвовать над собою, Яромир жил не в своей избе, а в общинной, что окнами глядела на чельную площадь града.

Изба просторная да теплая; крыта она тесом, а не травой, как большинство изб простых общинников. Однако ни двора, ни хлева при ней нет – лишь стаенка для двух от общества же выделенных коней. И плетня вокруг нет. Нечего старейшине отгораживаться от рода, как нечего ему тяготиться заботами о собственном хозяйстве. Ему не о своем благополучии надо радеть, а о благополучии всех. Община поставила его над собою, она же и прокормит. Если успел он к своим преклонным годам вырастить сыновей (а иначе бывало редко), так они и сберегут его достояние; если же нет, то ради общинного блага собственным можно и должно пренебрегать.

В собственную избу Яромир сможет вернуться лишь когда снимет с плеч возложенное родом-племенем бремя. Такое может случиться, не одна лишь смерть способна избавить старейшину от долга перед вверившейся ему общиной. К примеру, Слепый, Яромиров предшественник, доброю волей сложил с себя родовое главенство, почуяв близкое расстройство перенапряженного ума.

Чельная градская площадь еще велика, хоть и теснят ее все сильней плетни да пахнущие свежим смолем стены новых избяных пристроек – невзирая на многочисленные привычные беды община растет, семьи множатся, и вскоре граду станет вовсе тесна закута старого тына.

Но застраивать площадь нельзя. Это место для летучих сполошных сходов (для обыденных мирных дел общество собирается возле древнего родового дуба, что стоит близ пристани). Здесь, под тесовым навесом поставлено вечевое било – пустотелый обрубок огромного липового ствола.

Прежде било стояло на сторожевой вышке. Но в запрошлом году подступившая ко граду мордва вышку спалила – три дня напролет мордовские удалцы метали в нее горящие стрелы и таки подожгли (как все же невелик град: даже хоронясь за деревьями, что с краю поляны, хороший лучник шутя докинёт стрелу до самой городской середины). В то же лето затеяли строить новую – чтобы выше прежней да чтобы поджигать было вовсе напрасным занятием – но по сию пору успели возвести остов всего лишь на три человеческих роста.

Видать, не раньше, чем годов через пять красоваться граду новой охоронною вышкой... Это если к той поре она здесь еще будет надобна, если уцелеет здесь град и сама община – не от злых врагов уцелеет, а от затей собственной же крови-плоти.

Общинная изба красна да затейлива. На двускатной крыше резной гребень, глядящий на восток и на запад двумя деревянными конскими головами (белый конь – одно из видимых чельвечьему глазу воплощений превеликого Световита-Светловида). Крыльцо высокое, в пять ступеней, с тесовым навесом на витых столбиках (с этого крыльца старейшина обращается к родовичам, прибежавшим по зову била на сход). Над гладко оструганной дверью резной лик Хорса-светотворителя; на самой двери бронзовая голова невиданного зверя с кольцом в зубах – долгонько, поди, кочевала по торжищам персидская вещь, прежде чем прижиться в затерявшемся среди бескрайних лесов вятичском граде.

К одному из столбиков крыльца был прислонен веник – перетянутый мочалом пук прошлогодних березовых прутьев. Покалывая ладонь засохшими мертвыми почками, Кудеслав обмахнул им прилипшую на сапоги глину, а может статься и не только ее (береза – дерево доброе, она пособит стряхнуть и то, что куда хуже уличной грязи). В сумеречных просторных сенях, освещенных лишь затынутым скобленою кожей оконцем, он снял сапоги, оставив нож в голенище; потом нашарил на стене деревянный гвоздь с набалдашником в виде ощеренной кабаньей морды, навесил на него полушубок и лишь затем, крепко стиснув в кулаке подношение, осторожно толкнул дверь, ведущую внутрь.

В общинную избу нельзя врываться наспех, как был на улице; тем более – при оружии, если пора мирная, а быть оружным не назначено специальным велением.

Потому, что посреди избы вспучился кругом дикого камня неугасимый родовой Очаг – место, над которым незримо и безотлучно витают Навьи и души тех прашуров, кому после смерти назначено блюсти продолжение рода.

Шепча привычные, в плоть, кровь и душу укоренившиеся слова, Кудеслав бросил в Очаг кусочек мяса да клочок горностаевой шкурки. Потом, затаив дыхание, проследил: не поникнет ли хоть на миг пламя, не качнется ли к земле прозрачная струйка копоти, завивающаяся под высокую кровлю?

Нет, дурного знамения не случилось.

ОНИ приняли.

Только окончательно уверившись в этом, Кудеслав оборотился туда, где на низких просторных полатах неподвижным истуканом сидел Яромир.

– Здрав будь... – Мечник запнулся, не договоря положенного по обычаю. В неподвижности старейшины чувствовалось что-то принужденное, тревожное. Не случилось ли с ним чего?

– И ты будь, – еле слышно выговорил Яромир – в неверном свете тусклых оконце и очага видно было, как шевельнулась темная борода на обтянутой белым груди.

Старейшина поднялся со скрипнувших полатей и шагнул ближе к гостю, неслышно ступая босыми ногами по утопанной до каменной твердости земле. Были на нем лишь рубаха тонкого полотна да такие же штаны; избу же, по всему судя, с утра не топили – вон на стропилинах поверх копоти иней уселся. Кудеслава, одетого не в холстину, а в кожу, и то зазнобило... Да, крепок нынешний старейшина, куда как крепок даже для своих не ахти каких старых лет.

Если бы Кудеслав, вопреки обычаю, все-таки решился подстегнуть Яромирову медлительность нетерпеливым вопросом (чего, мол, ты этак-то: звал, торопил, поспать не дал, а теперь молчишь?), он бы не успел и рта приоткрыть.

Из-за мехового полога, отделявшего женскую половину, вывернулась вдруг которая-то из Яромировых жен: тоже босая и в одной рубахе до пят, но распаренная, красная – видать, только от жаркого очага. В руках у нее исходила крутым мясным паром увесистая глиняная миска. Коротко поклонившись Кудеславу, женщина зашарила растерянным взглядом по избе, словно искала кого-то.

– Назад неси, – вполголоса бросил ей Яромир. – Сморило его. И пускай себе, не буди. Похлебают, когда проснется.

Только теперь Кудеслав заметил, что на полатах близ того места, где давеча сидел старейшина, враскидку спал присланный Белоконом малец (вот, стало быть, откуда недавняя принужденная неподвижность родового главы – небось, потревожить боялся).

Несколько мгновений все трое – Кудеслав, Яромир и женщина – глядели на спящего. Давеча, у ворот, Мечник решил, что мальцу от роду лет тринадцать; теперь же подумалось, будто и того меньше. Коротко, по-детски стриженные ярко-рыжие волосы (родитель, поди, или еще кто нахлобучил на голову недорослю горшок, наспех отхватил торчащие из-под глиняной закраины патлы – и будет с него, голобородого) не скрывали тонкую шею, казавшиеся полупрозрачными мочки ушей, втянувшиеся от усталости щеки... Неужто хранильнику трудно было выискать лучшего посланца для неблизкой дороги через ночную дебрь?

И снова бросилась в глаза странность ребячьей одежды. Рубаха полотняная, беленая, как у Яромира, только на вороте и у запястий цветная вышивка; поверх рубахи – малоношенная безрукавая душегрейка пушистого лисьего меха (словно бы нарочно выбирали под цвет парнишковых волос); да еще хазарские штаны из валяной шерсти... Ради собственной одежды Белоконь бы наверняка постыдился отрывать от хозяйства этаким немалый кусок – ведь на безбородом купленном мальчишке надета цена хорошего жеребенка!

Занятый этими мыслями, Кудеслав вздрогнул от неожиданности, когда Яромир коснулся его плеча:

– Пускай спит – намаялся за ночь-то. Этакий путь и дюжему мужику почти через силу, а уж этому... Пойдем на крыльцо, там все расскажу.

Он повернулся и шагнул к двери.

– Хоть полушубок-то на плечи накинь! – тихонько сказала ему вслед женщина.

Старейшина будто и не слышал.

2

Вопреки опасениям Кудеслава, тронуться в путь удалось еще до полудня. Возможно, удалось бы и раньше, если бы не Велимирова скаредность.

Когда воротившийся от Яромира Мечник скупно, в полтора-два десятка слов рассказал названому родителю про негаданное поручение, тот даже застонал от досады. Следует отдать Велимиру должное – все-таки прежде всего он беспокоился о доставшемся ему в приемыши братовом сыне. Пока женщины, охая и суетсяь, кормили Кудеслава, пока тот облачался по дорожному да выбирал, что из оружия следует взять, Велимир маялся рядом и ворчал на старейшину и Белокопя – чего, дескать, им понадобился именно Мечник? Да, в иных делах Кудеславу нет равных среди родовичей, но только нынешнее дело вроде не из таких! Да, Кудеслав по крупному зверю хорош (куда лучше, чем на пушной охоте), и медведей он брал многожды – без вреда себе, ловко брал, но только есть в общине медвежатники гораздо ловчее. Одно дело, когда тебе зверя вытропили и навзрячь показали; самому же выслеживать Мечнику удастся куда хуже, чем многим, которые летами даже младше его. А ведь поручение, данное Кудеславу нынче, как раз из тех, для исполнения которых мало одной сноровки управляться с оружием (тут-то он из молодцов молодец).

Так чего же хранильнику вздумалось звать к себе Кудеслава, а не Ждана или Путятю? Да хоть бы и Велимира позвал – небось, не за один только цвет бороды люди еще и Лисовином кличут названного Кудеславова отца.

И Яромир тоже хорош: перечить Белокопю, конечно, всякий остережется, но зачем же было отсылать Мечника одного?

Кудеслав рассеянно кивал, вполуха слушая всю эту воркотню. О хранильниковых догадках, будто объявившийся шатун не простой медведь, Мечник рассказывать Велимиру поопасался. Зачем же волновать прежде времени? Да еще, не дай боги, бабы могут услышать – от одного визгу оглохнешь.

Что же до охотничьей сноровки, то старшему Белокопневу сыну пользы она принесла с синичкино вымя. Потому волхв и зовет Кудеслава, больше надеясь на его редкое в здешних краях воинское умение, а главное – на то, что он сын своего отца. А Ждан, Путята или Велимир... Медвежатники они и впрямь опытные, да только иной раз опыт способен обернуться во вред. Ведь может статься, что донявший волховское подворье медведь в медвежьих повадках понимает хуже, чем иные охотники. Не бывало еще такого, чтоб лесное зверье чинило вред Белокопю и Белокопневым.

Не бывало.

А теперь вот случилось...

Занятый своими мыслями Кудеслав лишь хмыкнул, когда Велимир перестал, наконец, ворчать и сказал деловито:

– Ну, ты собирайся, а я покуда схожу, коня тебе оседлаю.

Собственно, сборы получились короткими. Обычная простая одежда; оружие – рогатина, меч, нож, топор, лук да к нему полтора десятка стрел с тяжкими железными жалами... А больше ничего и не надобно. Не съестное же с собою брать – Белокопю до смерти разобидится, если к нему приехать со своим пропитанием.

Как ни быстры получились Кудеславовы сборы, Велимир управился еще быстрее. Выйдя во двор, Мечник увидал, что названный родитель держит под уздцы уже полностью снаряженного в дорогу коня – самого никчемного, заморенного и старого из Велимировых лошадей (а тех у Лисовина по общинным меркам очень много: два жеребца и дюжая кобыла-трехлетка).

Выбор лошади был ясен, как солнышко в вешний погожий полдень. Дорога-то хоть и не шибко далека, а все же и не из легких – по нынешней поре конь может изранить ноги льди-

стой коркой лежалого снега. И день нынче короток: того и гляди вечерние сумерки застанут подорожных в лесу. Мало ли что волки Белоконеву кобылу не тронули! О Белоконевом пускай сам волхв и радеет, а у Велимира своя голова. Ничего, лишней опасности названому сыну от плохого коня не выйдет: даже Мечнику врядли придет в голову сунуться на медведя конным.

Однако же в глубине души Велимир сознавал, что поступил не на пользу Кудеславу и просившему подмоги волхву. И еще он сознавал, что хозяйство его по достатку без малого первое в общине во многом благодаря Мечнику: тот ведь из странствий своих много чего привез, а себе оставил только диковинный железный доспех, меч да всякую пустяковину.

Так что Кудеславу стоило лишь пренебрежительно скривить губы, рассматривая подведенного ему чахлого конька, чтобы Велимир, сплюнув, принялся расседлывать.

Когда Мечник уже готов был забираться в седло, названный родитель (явно во искупление проявленной было скаредности) отобрал у него рогатину и взамен вынес из дому свою, действительно отменную: ясеневого древка высотой в рост человека и толщиной в мужское запястье; длинный – пяди три, если не более – обоюдоострый наконечник-клинок ярого железа, а под ним перекладина-препонка, чтоб вошедшее в звериную плоть оружие помогло хозяину сдержатъ хищный напор, не позволило дотянуться до человека клыкам и когтям.

– Эта счастливая у меня, проверенная, не выдаст, – буркнул Велимир, глядя изподлобья. – А у твоей близ наконечника трещинка.

Даже на самый малый срок отдать другому свое оружие означает расстаться с долей охотничьей удачи. Оценив Велимирову жертву, Кудеслав в пояс поклонился названому родителю.

Не много времени ушло у Кудеслава на сборы; и Велимир вроде недолго возился с седланием да переседлыванием, а все ж, войдя в общинную избу, Мечник застал Белоконеву мальчика уже вполне готовым к дороге. Глаза у мальчишки были красные, заспанные; он то и дело зевал во весь рот, но держался куда бодрей, чем следовало ожидать.

Принесли жертву Навьим и прашурам-охранителям рода.

Выслушали краткое напутствие старейшины.

Сели в седла.

Молча, под одно лишь чавканье копыт по раскисшей глине прорысили градской улицей – переходящие торопливо жались к плетням да стенам, кланялись Кудеславу, с любопытством поглядывали на мальчика, но никто не окликал, не заговаривал. Ясно же, что серьезное дело затевается, так и нечего дергать людей или – еще того хуже! – закудыкивать им дорогу. Все равно, и без прямых расспросов, задолго до того, как тени подлиннеют к вечерней поре, весь град успеет дознаться куда поехали, отчего и зачем.

Возле распахнутых на день лесных ворот маялись бездельем двое мужиков, поставленных здесь на случай внезапной тревоги (дневным охоронникам – подросткам – было бы не по силам управиться с тяжелой створкой, сработанной из дубовых тесаных брусьев). Эти словно бы вовсе не заметили выезжающих, зато полдесятка вертевшихся тут же псов обрадовались нежданному развлечению и с яростным завистливым лаем кинулись под конские ноги.

* * *

Длинным языком врезавшаяся в лес градская поляна незаметно перелилась в широкую ложину. Снежок, начавшийся утром, продолжал сеять с прежней медлительностью, оседая на меховую одежду и лошадиную шерсть россыпью крохотных капелек.

Лучший Велимиров конь казался истинным доходягой рядом с лошадей хранильника, а все же приноравливался к ее спорой упругой рыси, стараясь держаться вровень, не отставать. Так и ехали стремя в стремя (благо, покамест дорога позволяла), объезжая купины голых кустов да одинокие раскидистые дубы, окруженные пятнами крупчатого льдистого снега.

Ехали и молчали.

Может, парнишке и охота была поболтать (а то как бы не сморило в тряском седле), но разве мог он первым заговорить со старшим, помешать его раздумьям?! Впрочем, Кудеславу тоже быстро наскучила молчанка: хотелось поподробней дознаться о Белоконевых бедах. Да и странный парнишка вызывал немаленький интерес.

– Кличут-то тебя как? – спросил, наконец, Мечник, искоса глянув на вздрогнувшего от неожиданности мальчика (кажется, тот начал-таки задремывать – что же, тем более кстати будет беседа).

– В своих краях Векшей звали, – голос паренька – низковатый, с хрипотцой – плохо выдался с его тщедушностью. – А вообще как только меня ни называли – особенно с прошлого лета, когда...

Он умолк не договорив; отвернулся.

Кудеслав стянул и засунул за пояс рукавицы (жарко, даром что снег), отер ладонью влагу с усов да с подстриженной бородки.

Потом спросил вновь:

– А где твои края?

Спросил вяло, без интереса, потому что был почти уверен в ответе. Парня выдавал говор. Нет, Векша не коверкал слова, произнося их почти так же, как и сородичи Кудеслава, но речь его покалывала слух непривычным чоканьем (словно бы нравилось парню выговаривать чоканье созвучия, словно бы на них он причмокивал от удовольствия). Что ж, Мечнику уже приходилось слышать подобное.

Векша чуть помедлил с ответом.

– На полуночь отсюда, – сказал он наконец. – На берегу Ильмень-озера. Коли недаром тебя Урманом зовут, тебе те места должны быть ведомы...

Заслышав свое нелюбимое прозвище, Кудеслав потемнел лицом, но парнишка этого не заметил, продолжал говорить спокойно и ровно, будто бы не о себе, а о ком-то другом рассказывал:

– Отца моего торговый гость обманул в счете: взял много лишку за вовсе худую вещь. На другой день отец опомнился, пошел да убил того гостя. А прочие гости такого не стерпели, вытребовали от нашего рода суда. Суд назначил за гостя-обманщика виру в десять десятков соболей; у отца же моего сыскалось только четыре десятка, а в долг никто не давал. Тогда за нехватку посчитали меня. Гости меня в тот же день продали другим гостям, а те потом еще другим продали, а те другим – вовсе иноязычным каким-то людям, которые сухим путем пробирались к Волгле-реке. От них-то я Белоконю и достался – они было у него на подворье ночевать напросились, да передумали, когда доморгались, что он волхв-хранильник. Белоконь говорит, что они хазары, а все хазары наших богов боятся.

Кудеслав слушал недоверчиво. С первого слова, с первого взгляда парень показался ему несуразным, и чем дальше, тем больше несуразностей громоздилось вокруг него.

Может ли быть, чтоб хазары не нашли в свои края иной дороги от Ильмень-озера, чем сухой путь сквозь самые глухоманные дебри? Степному человеку и крохотная роща противна, а уж этакая чащоба... Зачем, если есть скорая и куда менее опасная речная дорога по Мсте? Диво какое-то.

Хотя... Небось, урманы, что десять лет назад объявились на здешнем весеннем торге, тоже пробирались на Волглу-Итиль. И тоже свернули с краткого водного пути да пошли петлять по глухим, неведомым для них лесным рекам. Торговые люди всегда стремятся покупать товар поближе к местам, откуда он взялся – так дешевле. Те урманы, поди, и с Кудеславом дружбу свели не ради его силы да меткой стрельбы, а из желания вызнать побольше о краях, богатых мехами.

То же могло и хазар гнать в страшную для них дебрь. Не с неба же, к примеру, свалился в здешние края мальчишка-хазарин, который вырос в крепкого мужика по прозванию Кощей. Да и после него люди всякого языка хаживали по Истре да по ее берегам...

Так что про хазар может и правда. Но вот чтоб этакого квелого мальчика взяли в счет кровной виры, да еще за шестьдесят соболей?! Ой, врет! Ой, цену себе набивает без всякой меры!

– А скажи-ка, много ли за тебя дал Белоконь? – спросил Мечник с усмешкой, ожидая в ответ новой несусветной цены.

Парнишка не ответил, только глянул искоса и тут же склонился лицом к самой кобыльей гриве. Этот короткий взгляд мигом смахнул усмешку с Кудеславовых губ. Конечно, глаза купленника были красны скорее всего от усталости, а щеки его мокрели наверняка от талого снега; да, конечно же все было именно так, только Мечнику вдруг показалось иное. Ладно уж, пускай себе малец тешится выдумками. Может, впрямь от этого ему легче – уж если судилось быть проданным, так хоть за небывалую цену...

Или он сообразил, наконец, что его вранье держится на тоненькой волосинке? Может, Кудеслав и поленится спрашивать у волхва, но ведь Белоконь способен сам рассказать о купленнике да о том, сколько чего за этого купленника отдано.

Лощина все круче забирала в гору. Казалось, что голые вершины дубов уже достают узловатыми скрученными ветвями серые космы низких ленивых туч, плотно занавесивших небо – словно бы над лесом распялили валяную хазарскую кошму непомерной величины.

Конь под Кудеславом вдруг оскользнулся и едва не упал. Векша натянул повод, сдерживая свою кобылу, сказал тихонько:

– Постоим. Пускай отдохнет маленько.

Парнишка по-прежнему прятал от Кудеслава лицо (этак отворачиваясь, недолго и шею свернуть!), и Мечник мысленно вновь отругал себя за давешнюю издевку. Ну, прихвостнул малец, и пускай бы – хвостовство-то безвредное!

Постояли.

Кудеслав рассеянно следил за струями прозрачного пара, бившими из конских ноздрей при каждом выдохе. Попадающие в эти струи снежинки мгновенно исчезали, растворялись в мутном тумане конского дыхания. "Вот так же и человек. Был, чего-то хотел, суетливо метался то туда, то сюда, будто снег на изменчивом ветру. А потом дохнул кто-то, и нет человека – остался лишь смутный клочок тумана меж голых ветвей, да и тот через миг сгинет-растает..."

– Ну, будет мешкать! – Кудеслав толкнул пяткой тощее конское брюхо. – А то и к полуночи не доберемся.

Он оглянулся на торопливо разбирающего поводья Векшу (опять что ли задремал малец?) и вдруг неожиданно для самого себя пробурчал:

– А некрепки, однако, общины у вас в приильменье, ежели не помогли своему откупиться от чужеродных...

– Общины-то крепки, – Векша дернул плечом, вздохнул. – Да только отец вышел из-под общинной воли. Давно, меня еще не было.

– Изверг, что ль?

Парнишка так отчаянно затряс головой, что едва не потерял треух.

– Боги с тобой, нет! Он сам, по доброй охоте...

Кудеслав снова примолк. "Ишь, как малец слова этого испугался! По доброй охоте... Наши, небось, всех извергами зовут: и Чернобая, десятка три лет тому назад отлученного от рода за злоречивость да непослушание, и Слепшу со Жданом Старым, отселившихся своею волей. Впрочем, и то сказать: сами-то изверги скорей языки себе пооткусывают, чем так называются..."

Бледное пятно пробивающегося сквозь небесную серость Хорсова лика уже ощутимо валилось к закату, когда ложбина вывела всадников на гребень пологой холмистой гривы. Пути осталось немного: с десять сотен шагов гребнем, а потом еще раз пять по стольку врезавшейся в противоположный склон ложиной-промоиной.

Лес молчал, лишь под копытами то ломко шуршали прошлогодние дубовые листья, то чавкал рыхлый подмокший снег. Ветер почти утих; промозглая сеянка с неба тоже иссякла, оставив по себе призрачные пряди тумана, путающегося меж древесных стволов.

Векша по Кудеславу примеру снял рукавицы; затем скинул да подвязал к луке седла треух (ярко-медные волосы парнишки потемнели и слиплись от пота, над бровями обозначилась полоса красной распаренной кожи). Через недолгое время он еще и полушубок распахнул, едва не утерев заткнутый за опояской топорик. Еле ощутимые порывы встречного ветерка зашевелили длинный пушистый мех парнишкиной телогрейки.

Ишь ведь вырядился! Ночью-то жаркая поддевка наверх была кстати, но, собираясь в обратную дорогу, мог бы и снять. Поди, от пота уж и полушубок в иных местах насквозь промок. Вот как ближе к вечеру прихватит морозцем, так и настучишься зубами. Сырой мех мало того, что не греет – он словно вытягивает из тела живое тепло...

Говорить все это вслух Кудеслав, конечно, не собирался. А если и собирался, то не успел. Заметив его поглядывания, Векша вдруг набрался смелости первым нарушить затянувшуюся молчанку:

– Дозволишь спросить?

– Ну?

– А ты и вправду урман?

Мечник громко, с присвистом втянул воздух сквозь зубы.

– А ты их видал, урманов-то? – хмуро спросил он.

– Видал.

– Ну и как я – похож?

– Да вроде нет, – Векша дернул плечом. – А тогда почему?..

– А не больно ли ты любопытен?! – круто повернулся к нему Кудеслав – так круто, что чуть стремя не потерял.

Векшино лицо сделалось белей снега. Парнишка забормотал торопливые и бессвязные извинения, но гнев Кудеслава как-то сам собой унялся под взглядом этих вмиг сделавшихся огромными перепуганных глаз. Не хватало еще драку с мальцом затеять... Да и не виновен он перед тобою ни в чем, малец-то. Ну, любопытен... А в каких это краях тебе удалось повидать нелюбопытных мальцов? Таких краев нет.

– Лет десять тому, – заговорил Мечник как-то слишком уж раздельно и внятно, – на вешнем торге сманили меня с собою проезжие урманы-варанги. Они плыли на Волглу; не к хазарам – дальше, поначалу вроде бы для торга, но обернулось их плавание набегом ради добычи. Приглянулся я им тем, что силача из их дружины перетянул на копейном древке; потом из лука стрелял метче их лучников. Так и ушел я с ними, а в свой род вернулся лишь через шесть лет. За то время побывал в Персии, потом вместе с урманами воротился в их земли, что за Волчьим морем... Многого повидал, многому научился – паче всего владению воинским оружием. Без такой сноровки среди урманов не выжить: они со всеми соседями в ссоре, и даже внутри своего языка живут, как во вражьих землях. Вот с тех пор и кличут меня в роду то Мечником, то Урманом. Хоть я это третье имя свое почитаю обидным. Будто бы сородичи отторгнуть меня хотят; будто не своим считают. Кощея вон и того небось Кощеем зовут, не Хазарином...

Кудеслав умолк. Как-то так вышло, что сказал он гораздо больше, чем собирался и чем мог понять жадно выслушавший малец.

А малец вдруг сказал:

– Я не буду больше...

– Что "не буду"? – Мечник вскинул на него удивленный взгляд.

– Ну, это... звать, как тебе не по нраву...

Векшины глаза вновь сделались круглыми да огромными, и Кудеслав чуть зубами не закрипел от подозрения, что сопливый пашенок вздумал его жалеть. Но нет, чтобы пожалеть, нужно суметь понять сказанное; нужно знать про закуток в отцовской избе, про косые либо насмешливые взгляды, которые иногда (да что иногда – частенько!) приходится перехватывать. Нужно узнать, что за тягостный смысл обозначен словами "не такой, как все". Впрочем, этому-то пять раз перекупленному мальцу очень скоро предстоит узнать и понять многое из того, что выпало узнать и понять тебе. Много, да не все. Ему ведь судилось стать чужим не в своем роду...

В следующий миг раздумья о собственном прошлом и Векшином будущем словно бы выдуло из головы Кудеслава. Каким-то не вполне ясным для него самого образом Мечник понял, что его конь чует опасность, и что опасность эта, покуда неблизкая, вскоре перестанет быть таковой.

– Стой!

Векша торопливо натянул поводья и впился в Кудеславово лицо напряженным, вопрошающим взглядом. А сам Кудеслав столь же неотрывно глядел на его лошадь. Холеная кобыла приплясывала, всхрапывала тревожно; ее мохнатые уши стояли торчком – она явно вслушивалась во что-то недоступное ни человеческому слуху, ни ушам ослабевшего от бескормицы градского конька (того, похоже, испугала именно настороженность идущей рядом Белоконевой лошади).

Мысленно браня себя за праздную болтовню, которой он тешился вместо того, чтобы разузнать о шатуне и о причиненных им бедах, Мечник поудобней перехватил древко рогатины. Левая рука, на миг выпустив повод, будто собственной волей метнулась вдоль пояса, проверяя топор и меч; нож и так отчетливо чувствовался – он словно поерзывал от нетерпения за голенищем правого сапога; словно бы уже рвался втиснуться рукоятью в ладонь, покуда занятую древком рогатины.

– Что? – тихонько выдохнул Векша.

– Не знаю, – так же тихо прошептал Кудеслав. – Твоя лошадь что-то слышит.

Нет, теперь уже слышала не только лошадь. Кудеслав тоже услышал это; а через миг Векша побелел до синевы – значит, и он.

Дальние протяжные крики; настолько дальние, что трудно разобрать от ярости кричат или от боли. Но, несмотря на расстояние, даже Векша понял, что кричит не человек.

Не человек, а медведь.

– Ладно, едем, – Кудеслав сплюнул и шевельнул поводья. – Считаю, повезло: это как раз в той стороне, куда нам надобно.

Он снова сплюнул, потому что шутка получилась плохой.

Крики стихли и больше не повторялись, в лесу повисла прежняя тишина, только теперь она казалась зловещей – будто бы чаща вымерла либо затаилась. Начинало смеркаться. Лошади шли неохотно, их то и дело приходилось понукать.

Векша старался держаться как можно ближе к Кудеславу. В конце концов, когда во время спуска в ведущую к волховскому подворью лощину Кудеславов конь вновь поскользнулся, Мечник, непроизвольно взмахнув рукой, едва не вышиб мальчика из седла древком рогатины.

Удар пришелся в левый бок. К чести Векши, он сумел удержаться от крика, только пискнул тихонько и скрючился, ткнувшись лицом в лошадиную гриву.

Опять заминка! Грызая губы, Кудеслав дождался, пока парнишка придет в себя. Наконец тот выпрямился.

– Ну, живой, что ли? – хмуро спросил Мечник.

Векша кивнул, судорожно отирая ладонью мокрые от слез щеки.

– И как только старика угораздило гнать тебя ночью в лес! – досадливо проворчал Кудеслав, трогая коня. – Неужто мужика не нашлось на такое дело?!

– Не нашлось, – Векша шмыгнул носом, нервно оглянулся и заговорил торопливым полупшепотком: – Три дня назад шатун поломал Кукуя, Белоконева захребетника, который скотину обиходил. Вломился в закуту, двух свиней в ключья... Кукуй бежать, он погнался и заломал. И унес. Свиней задрал, но не тронул, а Кукуя унес. Белоконь велел старшему сыну и второму захребетнику выследить шатуна и убить. Они в тот же день в лес ушли. А вчера вечером сын Белоконев прибрел весь изодранный, страшный... Белоконь сразу младшего своего послал к кузнецам – предупредить про людоеда; средний по извергам поехал, а я... Больше просто некого было. Он, Белоконь-то, сказал: "У шатуна теперь есть добыча, так что лишь бы вам случайно не натолкнуться..." От волков оберег дал. Сказал, будто и без оберега бы не тронули; это, сказал, просто чтобы я не боялся... Он волкам по-ихнему прокричал, что это его люди в лес идут, чтоб, значит, не чинили зла... А сам он теперь на подворье один, да еще сын тяжело пораненный, и все – больше там мужиков нет...

– Ты бы не одним языком, ты бы еще поведьями пошевеливал, – перебил его Кудеслав. – Кобылу свою не забывай торопить, понял?

Приказать что-либо волкам – это Белоконь может. И дело тут действительно не в оберегах да ином волховании. Просто старый хранильник как никто знает волчьи обычаи и законы. Однажды вечером Кудеслав сам видел, как этот благообразный старец, обходя по наружной стороне огорожу своего подворья, серьезно и деловито помечал углы и другие приметные места возле нее тем же образом, каким волки метят границы своих уделов. Заметив ошарашенное лицо невольного соглядата, Белоконь тогда улыбнулся и пообещал:

– Ближе к ночи, ежели дождешься да не заснешь, еще большую диковину покажу.

Кудеслав дождался. Выйдя из избы вслед за позвавшим его хранильником, он еще с крыльца разглядел в сгустившихся сумерках спину матерого волка. Зверь неторопливо трусил вокруг огорожи между лесной опушкой и давешним Белоконевым следом. Против тех мест, где останавливался для своих дел хранильник, волк тоже замирал, вскидывая на миг-другой заднюю лапу.

– Он старейшина у них, вроде как Яромир над вами, – прошептал Белоконь и тихонько засмеялся. – Метки мои подтверждает. У меня с волчьим племенем мир...

Больше всего изумило тогда Кудеслава поведение Белоконевых псов. Сгрудившись вокруг хозяина, они не сводили с волка настороженных глаз и тихо ворчали, но в общем были на диво спокойны. Небось градские псы будто вымирали, стоило только хоть одному волку хоть боги знают в какой дали завести вечернюю песню. С ранних сумерек и до ясного дня во всем граде будто ни одной собаки не оставалось. Да жри волки живьем кого из общинников прямо у него во дворе, псы и тогда бы не повылазили из своих нор и щелей на помощь хозяину. Те самые псы, которых не лишают отваги ни матерый секач, ни медведь...

Медведь...

Случайно ли именно на этом слове оборвались размышления Кудеслава? Собственно, размышления – не совсем уместное название. Мечник давно уже понял (именно понял – чужие поучения мало проку приносят в таких делах), что в ожидании неминуемой смертной угрозы мысли о ней лишь помеха напряженному вниманию. Голову нужно занять чем-либо посторонним, вовсе не имеющим отношения к тому, чье появление силится обнаружить зрение и слух. Тогда не придется вздрагивать от каждого хруста под копытом собственного коня, а в каждой коряге не будет мерещиться притаившаяся погибель. Но подлинная опасность будет замечена вовремя, и тело само сделает необходимое прежде, чем опомнившаяся голова успеет сообразить, что происходит.

Кудеслав заметил мелькнувшую впереди бурую тушу за несколько мгновений до того, как туша эта выдала себя треском кустов и запахом, вздернувшим лошадей на дыбы. Вернув

ополоумевшего от страха коня на четыре копыта крепким ударом между ушей, Мечник властно ткнул рогатину древком вперед в трясущиеся Векшины руки и прошипел:

– Подашь, когда скажу, а потом чтоб духу твоего рядом не было!

В следующий миг Кудеслав прыгнул на землю и тумаком отогнал от себя храпящего коня. Векше не удалось заметить, как оказались в Кудеславовых руках лук и стрела – будто они и впрямь сами собой впрыгнули в хозяйские ладони.

Медведь с треском пер напролом сквозь кусты. Похоже было, что он прятался в зарослях, а увидев людей кинулся – но не на Кудеслава с Векшей, а в сторону, подставляя левый бок стреле, уже рвущейся с натянутой тетивы. Поведение зверя казалось Мечнику странным (ему бы подпустить поближе да молчком наброситься из засады), но ломать голову было некогда. В просвете между ветвями мелькнуло левое плечо зверя, и Кудеслав спустил тетиву.

Он не успел даже вспомнить о рукавице, и тетива, громко хлестнув по запястью державшей лук руки, прорезала кожу до крови – пусть. С громким стоном медведь вспахал мордой опавшие листья, медленно перевернулся на бок и вроде затих.

Взять медведя с одной стрелы – удача настолько редкая, что поверить в нее трудно. Трудно и опасно. Всего бы лучше выстрелить еще раз – как ни ловок зверь прикидываться мертвым, а новой раны скорее всего не стерпит, выдаст себя. Но рухнувшего медведя застали кусты и подножья древесных стволов.

Мечник уронил лук, вскинул правую руку: "Дай!", и Векша торопливо сунул рогатину в его раскрытую, взрагивающую от нетерпения ладонь – так торопливо, что без малого полоснул наконечником по Кудеславовой шее.

Выставив перед собой оружие, Мечник бесшумно и споро двинулся к бездвижной туше. В полдесятке шагов от медведя он замер, потом приступил ближе и осторожно ткнул железным острием свалывшийся бурый мех.

И вдруг Кудеслав как-то обмяк. Нагнувшись, он с натугой вытащил глубоко засевшую в медвежьем боку стрелу, повернулся и зашагал обратно, настороженно оглядываясь по сторонам.

Подошел (кобыла шарахнулась, косясь на стрелу, по самое оперение окрашенную дымящейся кровью).

Недобрым взглядом снизу вверх уперся в мокрое лицо с трудом удержавшегося в седле паренька.

– Я ж велел, чтоб духу твоего здесь... А ты?

Векша с трудом разлепил губы, но Кудеслав не стал дожидаться его оправданий.

– Еще раз ослушаешься, так отлуплю – до лета будешь спать на животе и есть стоя.

Коротко размахнувшись он воткнул рогатину тупым концом в землю ("А древко-то не тоненькое, и земля еще мерзлая", – мельком подумалось Векше), выдернул из-под сапог горсть прошлогодних листьев и принялся обтирать стрелу. Потом сказал:

– Коня моего поймай. Да живей шевелись: чай, еще не доехали, а Хорсов лик вот-вот спрячется.

Уже взобравшись на подведенного Векшей коня, Кудеслав пробурчал:

– И не думай, будто все этак вот просто сделалось. Не тот это медведь. Мелковатый трехлеток, тощий, квеленький; такому Белоконева сына не одолеть. А спина этого медведишки когтями располосована. Крепкими когтями, длинными – до того длинными, что я даже боюсь себе представить чудилище, к которому эти самые когти приделаны.

* * *

Последние отсветы заката еще кровянили небо над лесными вершинами, когда Кудеслав и Векша добрались до волховского обиталища.

Подворье Белокопя стояло посреди расчищенной от подлеска узкой поляны – на дне той же лощины, в конце которой давние пращуры выстроили святилище Рода.

Почитаемый даже иноязычными племенами волхв жил не больно-то широко. Приземистая изба (правда, крытая крепким тесом); две лепящиеся к ней пристройки (жилища обзаведшихся женами, но не отделившихся старшего и среднего сына); два скотных хлевца; амбар, приподнявшийся над землей на шести столбах; и вокруг всего этого прозрачная жердяная ограда – не защита от леса, а препона для вечно норвящей разбрестись скотины. Велимирово подворье и то обширнее, хоть и стоит оно в градской тесноте. А уж про имения извергов и говорить нечего. Чернобай вон даром что общиной наказан – и многолюдье у него, и крыши на подворье за два десятка, и поляны он пашет да рожью засекает, и дойных коров завел... Да и Слепша со Жданом-Старым хоть и бедней Чернобая, но не намного. А у Белокопя четыре лошади (правда, хороши они, равных ни у кого нет), полдесятка свиней да три козы – вот и вся скотина. Конечно, извергов общинники не жалуют; Белокопя же чтут пуще родового старейшины. Только ежели судить по достатку, получается как-то странно: будто бы нелюбовь родовичей куда выгоднее почтения...

Первыми приехавших встретили псы. Четыре зверюги, размерами и видом почти не отличимые от волков, перескочили через изгородь и заметались под ногами злобно скалящихся лошадей. Впрочем, по усиленному верчению песьих хвостов было видно, что кудлатые сторожа узнали и Векшу, и частенько гостившего здесь Кудеслава. А лай – это для порядка и чтобы кормежку оправдать: вот, дескать, какая у хозяев надежная охрана – даже своих не вдруг пропускает.

Несмотря на шумный собачий переполох, обитатели подворья не спешили выходить из избы (хоть и скорбный умом понял бы, что псы лают по знакомым людям). От этой медлительности отчетливо веяло страхом. Безлюдье, тишина; избытые оконца плотно затворены ставнями... Чтоб Белоконевы боялись леса?! Если такое и бывало, то не на Кудеславовой памяти.

Спрыгнув с седла, Мечник отвалил створку ворот (на ней даже засова не было, на вороте этой, и к огороже она не крепилась – ее кое-как прислоняли изнутри). Коня Кудеслав покинул на Векшу, а сам, отпихивая назойливых псов ногами и древком рогатины, почти бегом кинулся к крыльцу. С каждым шагом, с каждым мигом длящегося безлюдья крепло на душе у Мечника плохое предчувствие: хоровадсья вокруг хоть десять людоедов да оборотней, при живом невредимом волхве его домочадцы вряд ли перепугались бы настолько, чтоб шагу не сделать навстречу сыну лучшего Белоконева друга.

Он уже тянулся к двери, когда та, наконец, отворилась с натужным скрипом и в подсвеченном лучиной проеме возникла тощая босоногая старуха в платке и рубахе до пят. Кудеслав от неожиданности даже попятился. Да, он знал, что после давней внезапной хвори правая половина лица старшей Белоконихи помертвела – знал, и уже почти привык к этой жуткой кривой усмешке. А все же вот так, когда вдруг и нос к носу... Да еще в сумерках...

На изгрызенной морщинами криворотой личине, будто бы из дубового корья вырезанной, жили только глаза – по-старчески бесцветные, слеповатые, они тем не менее частенько умудрялись высмотреть недоступное даже для зоркой молодости. И чувства в этих глазах было куда больше, чем в иных молодых.

– Спасибо Навым да Радуницам-охранительницам, вовремя тебя привели, – тихонько вымолвила старуха, и по взгляду ее, да еще по тому, что забыла она поздравиться с гостем, Кудеслав понял: дела здесь вовсе плохие.

– Ты уж, поди, все знаешь про наши беды, – Белокониха Старая зыркнула поверх Кудеслава плеча на возившегося с лошадьми Векшу (так на обломившуюся занозу косятся – саднит, а не выцарапаешь). – А мы тут поизвоились, гадая, приедешь ты до вечера, или нам всю ноченьку от страха трястись. Ведь почитай одни бабы на подворье остались: Гордей еле дышит, он нам теперь не оборонщик; Гудюю и Мстишке отец запретил возвращаться потемну...

– А сам-то хозяин где? – нетерпеливо перебил ее Кудеслав.

Старшая Белоконева жена равнодушно пожалала плечами:

– Кто его знает. Он еще с утречка по кровавому следу ушел – туда, где на Гордея с Волкогоном-захребетником медведь навалился. Хотел про Волкогонову долю дознаться (может, говорит, жив еще; может на дереве сидит – от Гордея-то ни слова толкового не добиться, как там все вышло). Еще вроде бы след самого людоеда ему надобно разыскать – ну, то дела охотничьи да волховские, не по моему бабьему разуму...

Она слабо махнула свободной от лучины рукой, добавила успокаивающе:

– Да ты брось об нем тревожиться, его боги любят.

Брось тревожиться – это только советовать легко. Но не кидаться же очертя голову в стремительно чернеющий лес, не аукать же! Этак вместо помощи накличешь беду. Остается ждать да надеяться: хранильник наверняка знает, что и ради чего затеял.

Старуха посторонилась, и Кудеслав шагнул через порог. Окунувшись в чадное избяное тепло, он вдруг с удивлением обнаружил, что Белокониха собирается запереть вход, не дожидаясь, пока Векша обиходит лошадей.

– А как же... – Мечник запнулся, разглядев в полусумраке злобный прищур старухиных глаз.

– В сарае перебудет, – процедила Белокониха. – Не велика птица!

– Птица-то, конечно... А все ж не по-людски как-то, – ошарашенно промямлил Кудеслав. – Хоть покормить бы мальчика...

– Найдет. Знает, где приготовлено. Да ты не сомневайся: все равно это проклятье, на мою голову купленное, без хозяина в избу не ступит, хоть силком волоки.

Видя, что Кудеслав растерянно мнетя у косяка, бессознательно мешая запереть дверь, старуха хмыкнула и выговорила вроде бы совершеннейшую бессмыслицу:

– И ты, стало быть... И тебя... Стало быть, и впрямь вы все одинаковы: что премудрейшие, что воины, что безрогие телята...

Мечник не стал домогаться объяснений. Он подумал только, что при муже-волхве собственный бабий разум мог в конце концов и поиссякнуть за ненадобностью.

А Белокониха, чуть ли не с жалостью глянув на Кудеслава, вдруг распахнула дверь и визгливо крикнула в наваливающуюся на двор темноту:

– Ты долго еще ковыряться будешь, хвороба?! Долго мне еще тебя ждать?!

– Не жди, – глухо ответили снаружи. – Я при лошадях буду.

Старая Белокониха так яростно хлопнула дверью, что чуть не ушибла еле успевшего отпрянуть Мечника. Глядя, как старуха возится с засовом да еще и подпирает дверную створку увесистым бревнышком, Кудеслав тихонько сказал:

– А если ночью людоед нагрянет? А если купленник удумает сбежать? Глуп ведь еще по малолетству... Не боишься?

– Не боюсь! – Белокониха выпрямилась и перевела дух. – Ты рогатину-то лучше вот здесь, у самых дверей поставь – боги-то милостивы, только как бы не понадобилась она тебе еще до рассвета!

* * *

Кудеслав знал, что эта ночь добром не минется (доставшиеся в наследство крохи отцовского дара мытарили душу плохим предчувствием), а потому лег, не раздеваясь – даже сапоги не снял и нож из-за голенища не вынул.

Многочисленное Белоконево семейство (четыре бабы да несчитанный табунок детей) угомонилось на диво быстро. Вроде всего миг-другой успел промелькнуть после того, как убраны были остатки торопливого ужина, а в избе и в пристроенных углах слышалось только много-

голосое сопение да полухрап-полустоны изломанного медведем Гордея (жить-то будет мужик, но хромым и кривобоким останется навсегда).

А вот Кудеславу долгонько не удавалось заснуть. Вроде бы после прошлой бессонной ночи да маятного, на сборы и путь растраченного дня полагалось кануть в сон, едва прилегши; и вроде бы понимал Мечник, что нужно ему успеть отдохнуть, выспаться; и вроде бы прежде ему, Мечнику, всегда удавалось заставить себя делать именно нужное... Да, прежде всегда удавалось, а вот нынче – шиш.

Сперва отчего-то вспомнилось, как Белокониха назвала стайню сараем. Вот ведь... В своей речи не замечаешь, а с чужих уст сорвавшись, нет-нет да и резанет слух. «Сарай», «сарайюшка», «сарайка»... Не так уж и часто забираются в здешние края хазары; не так уж и многие из родовичей видят-слышат их, даже оказываясь на большом торге; а словечки хазарские будто собственной волей настырно вплетаются в вятскую молвь. Видать, все новое, неприевшееся, цепляется к душе человеческой, как репей. А изначально, поди, и без хвастовства не обошлось. Я, мол, не только по родимому окрестью лапти истаптываю, я-де разных людей навидался – и давай иноязычными словечками щеголять... И сам же щеголь, поди, не заметит, как новое приестся до неотличимости от того, что повелось с деда-прадеда... А ведь это, наверное, отнесится не только к чуждым словам. Так же, наверное, получается и с обычаями. Пойди нынче, докопайся, что у нас от самого Вяткова корня, что от соседей, хоть от той же мордвы, а что у мордвы от нас... Эх, да ну ее, заумь эту! Сейчас бы заснуть...

Что ж, выгнать заумь из головы удалось довольно легко. Но сон все не шел.

Вертелся, ворочался Кудеслав на застланных мехом полатях, и вертелись, ворочались в Кудеславовой голове однообразные тревожные мысли о волхве, который...

Который что?

Что, собственно, такого тревожного происходит?

Ну, где-то по ночной дебри-матушке бродит одинокий волхв Белоконь, и там же бродит охочее до людского мяса медведище. Ну и что? Отчего ты, Кудеслав Мечник, волнуешься? Отчего ты волнуешься именно за Белоконя? Да всего лишь оттого, что Белоконь тебе друг, а медведь – нет. На деле же, небось, ещё бы дюжину дюжину раз подумать, кому из этих двоих следует больше бояться ночной чащи, по которой бродит второй.

Даже ты, после отцовской смерти оставшийся чуть ли не единственным душевным собственником Белоконя – даже ты пару-тройку раз пугался старого волхва. По-нешуточному пугался, как никого и ничего другого.

Наверно, Мечника всё же сморила вкрадчивая полудрёма, в которую так любит переливаться задумчивость усталого, изволновавшегося человека. Потому что слишком уж ярко припомнился Кудеславу один из тех случаев, когда...

...Это было незадолго до распри с мордвой. Мечник уже забыл, чего ради довелось ему тем летним ласковым предвечерем бродить пешком в неблизких окрестностях Белоконева подворья. Выполнял ли тогда Кудеслав какое-то поручение Яромира или какую-то просьбу волхва – то не важно. Важно, что по пути он без малого споткнулся о мышкующую лисицу. Чащобная хитрованка была до полного самозабвения увлечена своим хищным делом, а потому не только подпустила человека на шаг-полтора, но и позволила несколько мгновений разглядывать себя с подобного, так сказать, расстояния.

Да уж, лисица оплошала изрядно, но Кудеслав-то не замедлил оплошать в дюжину крат сильнее! Правильно всё-таки Велимир ворчит иногда о своём названном сыне, будто из того охотник, как из соловьиного хвоста – воротник. Мех беспечной лисы действительно был редкостного буровато-чёрного цвета, да только кто ж при здравом уме добывает пушнину летом?!

Заметив, наконец, в прямом смысле слова нависшую над нею опасность, чернубурка слепо кинулась прочь, влетела в непролазный колючий куст, затрепыхалась, как щука в

неводе... Пока ошалелая зверина выбарахтывалась из цепких ветвей, Мечник успел по какому-то дурацкому наитию изготовить бывший при нём лук.

Бить лису острожалой стрелой значило по-глупому дырять и без того никому не нужную дрянную летнюю шкуру. Однако же Кудеслав вспомнил об этом, лишь спуская тетиву.

В самый последний миг вознамерясь избежать затеянной дурости, Мечник испортил выстрел, но промахнуться всё-таки не сумел. Вышло так, что хуже и не придумаешь: стрела прошла улепётывающую чернобурку навывлет, но лисица только прыти наддала от этого попадания.

Выругавшись нехорошо и длинно, Кудеслав отправился подбирать стрелу; потом, чуть ли не бороздя носом лесную подстилку, прошел с десятков шагов вдоль кровавого следа. Велимир, наверное, мигом бы понял, смертельно ли подранена бедолашная зверина, но железноголовый Урман лишь хмыкал досадливо да пожимал плечами. По его впечатлению, человек с такой раной вряд ли бы дожил до темна. А лисица... Чем леший не шутит – может, она забьётся куда-нибудь в крепь, отлежится, очухается... Или всё-таки сдохнет, и вот тогда дурню-подстрельщику не миновать гнева Лисьего Деда. Получается, означенному дурню теперь лишь одно спасенье: выследить и добить. И съесть, что ли, хоть кусочек добычи – тогда смерть чернобурки обретёт какое-то подобие смысла. А иначе свою вину перед лисьим родом Мечнику не заглядить.

Так что Кудеслав Урман на голом месте наделал себе изрядных хлопот. Тени длиннеют, Хорсов златой свет наливаются пока ещё робкой червленью – предвестницей вызревающего заката... Удастся ли быстро догнать раненую тварь? А если не удастся, то как искать не шибко явственный след в сумерках, в ночной темноте? Придётся откладывать до утра, придётся и завтрашний день тратить на расхлёбывание мимолётной глупости... И при любом исходе нужно будет задобрить Лисьего Деда обильной требой да обещаньем (сторожких-то и боги устерегают!) впредь никогда не трогать его хвостатых родовичей...

...Цепочка кровавых капель вывела в какое-то вовсе незнакомое, неприятное место.

Боясь потерять след, Мечник безотрывно смотрел под ноги – и всё же его угораздило споткнуться о подвернувшуюся под эти самые ноги чёрную, словно бы окаменелую коряжину. С изрядным трудом удержавшись-таки от падения, он мимо воли чиркнул рассеанным взглядом окрест себя... и обомлел.

Здесь был пожар. Когда-то. Давным давно. Мелколесье выгорело начисто, а великанские полутораохватные дубы обуглились, потеряли ветви, кору, жизнь, но остались стоять чудовищными чёрными трупами.

Обычно лесные гарища стремительно зарастают травой, кустарником, сорными жердеподобными деревцами...

А здесь был только мох. Кудлатая бурозелёная хлябь топила подножия дубов-мертвецов, бурые лохмотья висли с культеподобных угольных сучьев... И надо всем этим – воспалённость болезненного заката...

Мечник мгновенно забыл и о подраненной чернобурке, и о мести Лисьего Деда. Он, Мечник, на какое-то время забыл даже о том, что кроме зрения у него есть ещё какие-то чувства. Впрочем, довольно скоро своему хозяину напомнил о себе слух.

Отмахиваясь от заунывного стонущего нытья, Кудеслав злобно помянул назойливую дрянь, лезущую в самые уши. Ну, хочется тебе человеческой крови – хряк с тобой, кусай уже да и проваливай, откуда прилетела. Нет же, зудит и зудит, паскуда...

Лишь убедившись, что отмахивания и брань одинаково бессильны против надоедливого заунывья, Мечник вдруг осознал: это не жужжание летучего кровососа. Это далёкий человеческий голос. Пение, что ли?

Миг-другой промешкав в тягостной нерешительности, Кудеслав вдруг сорвался с места и стремительно зашагал на звук – похоже, ради единственной цели скрыть от самого же себя,

до чего ему, Кудеславу Мечнику, не хочется приближаться к неведомому то ли певцу, то ли нежить знает кому. Да уж, нежить... Очень может статься, что именно только нежить и знает, кто и зачем полупоёт, полувоеет здесь, на обомшелом лесном пожарище.

Вскоре пение смолкло. Но идти наугад не пришлось: неведомый певец затеял какую-то судорожную возню, отчётливо слышимую даже на явно ещё изрядном расстоянии. Потом сквозь эти звуки пропоролось тонкое визгливое ржание.

А потом Мечник едва не повернул обратно.

Впереди, меж великанскими стоячими головешками замаячило трудно распознаваемое подобье насыпного вала – давнего, оплывшего... и, конечно же, обомшелого, как и всё в этом безрадостном месте. А близ него обнаружилось, наконец, недоубитое давним огнём дерево. Корявое, растущее вкось, оно словно бы рвалось встречь Кудеславу, призывно помахивая на ветру единственной скуднолиственной ветвью. Однако же на ветви этой были не только листья. Мечник ещё издали разглядел подвешенные на заплесневелых ремешках волчьего черепа, полуистлевшие лапти меха, глиняные фигурки, до полной невнятности искрошенные ветром...

Лесное святилище мерян – только этого не хватало! Кудеслав на своём веку многого понаслушался про мерянских богов, и теперь первой его мыслью было опасливое: "Съедят, пожалуй..."

Уже попятившись, Мечник вдруг снова остановился и размашисто хлопнул себя по лбу.

Дурень заполошный! Хоть бы ж подумал: с чего бы это мери взбрело обустроить своё капище так близко (меньше, чем в четверти дня пешей ходьбы) от обиталища волхва-хранильника? Того самого волхва-хранильника, которого иноязычные чащобные племена почитают ближней роднёю Лесного Деда. И боятся. Так уж не Белоконю ли предназначены дары Нарядного Дерева?!

И тут вдруг Кудеславу ясней ясного намекнули, что здешнее Нарядное Древо посещается не одною лишь мерью.

Совсем рядом, быть может, прямо по ту сторону придавленного мхами вала, кто-то заговорил – тягуче, напевно:

Жизнь, нежить... Тонка межа.
И смерть, и роды – мученье.
Одно движенье ножа
Врезает в гибель рожденье.
Горячий багряный свет
На полосу мрака брызнет —
И чёрное выпьет цвет,
И нежить напьётся жизни.
Пускай остренький кремень
Плоть смертной мукою гложет,
Пусть тень перельётся в тень
Того, кто прийти не может,
Но может на миг вдохнуть
В рождённые смертью жилы
Ничтожную долю-чуть
Своей всемогущей силы."

И вновь иззубренным ножом полоснуло Мечников слух тонкое судорожное ржание...

Так навсегда и осталось тайной для Кудеслава, что его заставило бесшумной тенью метнуться вперёд, прикинуть к насыпи и осторожно заглянуть за неё. И одного, первого же

взгляда Мечнику хватило, чтобы подосадовать на своё любопытство. Потому, что увиденное явно нельзя было видеть случайному, стороннему человеку.

Насыпь не была насыпью.

Если изо всех сил швырнуть камнем в мокрую глину, получится этакая ямка-колдобинка, словно бы обнесённая валом расплескавшейся грязи. Но что и с какой ужасающей силой должно было грянуться в здешние леса, чтобы сама тугая шкура земли расплескалась по-жидкому? И чтобы получилось ямище, способное целиком уместить в себе градскую избу?

Дно ямины (не посредине – ближе к дальнему от Мечника склону) было надкопано, и из надкопа этого выпирала краснобурая, словно бы перемазанная сохлою кровью ноздреватая глыба. Крупная. Размером с голову взрослого, очень патлатого и очень напуганного мужика.

Давным-давно отец рассказывал Кудеславу про раскалённые железные камни, которые иногда вместо молний роняет с неба угрюмый бог Перун. Полураскопанная ржавая глыба – небесный камень? Не её ли паденье оборотило тутошнюю дубраву в толпу обугленных упокойников? И не этой ли глыбе посвящено Нарядное Дерево?

Наверное, всё так. И, наверное, мерянское святилище и в прямом, и в переносном смысле сбоку-припёку возле ямы-воронки. Потому что главное здешнее капище – внутри ямы. И оно не мерянское.

Как-то так получилось, что Мечник с единого взгляда в мельчайших подробностях рассмотрел всё, бывшее на дне ямы-воронки. Например, лежащие близ небесной глыбы могучий лук и длинную белую стрелу с железным наконечником... Вертикально вкопанное посредине ямы бревно – сосновое, облитое рыжей коростой загустевшей живицы; его вершину чей-то неумелый топор превратил в грубое изображение задранной в небо головы то ли коня, то ли собаки, то ли боги знают чего ещё... К этому неуклюжему идолищу был очень ловко и очень безжалостно припутан чёрный, как жженное смольё, жеребёнок. Припутан стоя; так припутан, что мог шевелить только хвостом да ушами. Багрянеющий Хорсов лик висел ещё достаточно высоко – дно ямы полосовали длинные тени. И тень жеребёнка, насаженная на вертел тени бревна-идолища, упиралась концом вздёрнутой морды в ржавый бок небесного камня.

А над вывернутой жеребьячьей шеей навис иззубренный каменный нож, рыжевато-серое кремнёвое лезвие. Остреный кремь...

Да, всё это Мечник успел рассмотреть с единого взгляда. Почему же он лишь с немалым трудом заставил себя увидеть то, что должно было бы сразу же ворваться в глаза? Верней, не "то", а "того". Того, в чьём кулаке тонула рукоять древнего жертвенного ножа. Того, чьё белоснежное одеяние резко выделялось среди затопивших воронку красноватости, бурости, ржи... Того, чей голос Кудеславу должно было б узнать, едва слышав тягучий припев-наговор...

Волхв-хранильник Родова капища. Ой, кажется, не одного-единого капища он хранильник...

Дёрнулся вниз кремневый нож, булькающим всхрапом оборвалось пронзительное пискливое ржание, в черноту жеребьячьей тени ударила тугая журчливая струя...

Горячий багряный свет
На полосу мрака брызнет —
И чёрное выпьет цвет,
И нежиль напьётся жизни...

Омытая кровью тень стремительно набухла ржавчиной, из чёрной превратилась в гnedую... От вороного жеребёнка – гнедая тень? Тень ли?! Оно уже обрело немислимую для тени объёмность, это грязно-рыжее порождение мрака и крови; оно шевелилось, норовило отлепить себя от земли, приподняться...

А волхв Белоконь, выронив нож, метнулся к небесной глыбе, подхватил с земли стрелу и торопливо обмакнул её в мучительно оживающую полупрозрачную рыжую тушу.

Обмакнул, и тут же выдернул.

Стрела перестала быть чистой, её будто вымарали засохшей кровью.

И тут под Кудеславом хрустнула какая-то лесная дрянь. Откуда только взялась она в мягкой моховой подстилке?! Белоконь, конечно же, превосходно расслышал этот получившийся оглушительным хруст. По медвежьей взрыкнув: "Кто?!" – старый, но отнюдь не дряхлый волхв снова нагнулся... в этот раз за луком. Распрямившись, хранильник больше ничего не пробовал спрашивать, а молниеносно натянул да спустил тетиву, метнув оборжавевшую стрелу, куда глаза глядели: от Мечника чуть ли не в противоположную сторону.

Но стрела, люто взыв, описала совершенно невозможную, немислимую петлю и до половины вонзилась в землю на том самом месте, где лежал Кудеслав.

Только самого Кудеслава там уже не было.

В последний миг он успел отпрянуть, вскочить и опрометью броситься прочь. Прочь от яростной кровожадности друга-волхва, прочь от леденящего душу обряда, прочь от этой ржавой жути, летающей по собственному усмотрению! Прочь!

Хвала Навьим, Белоконь, кажется, так и не дознался, кто именно подглядывал за изготовлением чародейской стрелы. Потому, что дознайся он... Мечник был уверен: в этом случае их с Белоконем дружбе настал бы конец. И самому ему, Мечнику – тоже.

* * *

Все-таки ночью пришлось разбирать запоры на входной двери да ломать сотворенные Белоконихой-Старой приговоры от Злых.

Как ни зыбка была сморившая Кудеслава дремота, первым подхватиться с полатей удалось все же не ему, а которой-то из Белоконих. Когда Мечник, на ходу застегивая пояс с мечом, выскочил в сени, обе хранильнички жены были уже там: Старая светила масляным каганцом, Молодая (это которая пятый десяток доживает) поспешно отваливала засов.

Нет, бабы не лихое что-то почуяли и вовсе не хотелось им сразиться с людоедом. Причиной ночного переполоха был возвратившийся из леса хозяин подворья. Одним Навьим ведомо, как бабы догадались о его появлении. Волхв просто подошел к затворенному входу и остановился, дожидаясь чтоб отперли. Ждал он молчком да тишком и наверняка очень недолго.

Вроде бы Белоконихи, вскакывая, не успели нашуметь (а уж Кудеслав тем более), но сени мигом наполнились хранильничковыми невестками и их потомством. Гудоева Милонегга даже с младенцем приволоклась. В тесноте несмышленища придавили, и третий Белоконев внук (внучек-то хранильничковых счесть не хватит пальцев на руках и ногах, а внуков лишь три – старшему еще восьми нет) зашелся надрывным плачем. Белокониха Старая замахала руками на сынову бабу, и та выметнулась в избяные потемки – успокаивать да баюкать. Но и без нее в сенях шагу нельзя было ступить.

Прижатый к стене жаркими, влажными со сна девичьими телами, Кудеслав только и смог, что взглядом перекинуться со старым волхвом: тут, мол, я, приехал, ждать не заставил. Белоконь улыбнулся ему, кивнул; потом стремительным цепким взглядом окинул встречающих.

Боги ведают, сколько лет успел прожить Белоконь. На памяти Кудеслава он всегда был таким, как в ту ночь. Рослый, костистый; лик морщинист, но на диво подвижен; седая стриженная борода – по грудь, заплетенные косами усы – по пояс; глаза – что угли в очаге: черным черны, однако же нет-нет, да и полыхнут стремительным жарким светом... Даже в лютейшие морозы он не искал иного покрова для головы, кроме длинной гривы чуть вьющихся белоснежных волос. И одевался он всегда только в белое, так что нынешний горностаевый полушубок (за такой даже у ближних соседей можно взять хоть редкостного персидского жеребца

вместе с украшенной самоцветными камнями сбруей) надет не ради бахвальства достатком – зажиточные бахвалы не носят лыковые лапти да грубую, хоть и выбеленную холстину.

Да, сколько лет успел прожить Белоконь, ведают одни только боги. Наверняка более семи десятков, а на сколько более? Кудеслав как-то спрашивал, но волхв отшутился – так, дескать, долго живу, что уж и счет годам потерял. Может, и слукавил старик, а может и нет. Верно лишь то, что он в мельчайших подробностях помнит дела старины, которые даже столетний глава кузнецов Зван еле-еле способен оживить в памяти по своему тогдашнему малолетству. А еще верно то, что понадобится, к примеру, Кудеславу опора для ходьбы, которая бы при случае и вместо оружия годилась, так Мечник бы себе по силам своим сделал посох легче того, без которого Белоконь шагу ступить не хочет.

– Ну, встретили, потешили старика, – благодушно прогудел волхв, оглядывая лица, еле высвеченные огоньком каганца. – Ступайте-ка теперь спать: день будет труден да хлопотен.

Хранильникова родня, толкаясь и перешептываясь, полезла из сеней. Кудеслав против воли замешкался – пристало ли ему толкаться на равных с бабами, девками да детьми?! Кстатки сказать, некоторые Белоконевы внучки (иные отцы таких уже год-другой назад спихнули бы замуж, чтоб не переводить понапрасну корма), укладываясь в жаркой избе да на теплых мехах, сочли излишним обременяться одеждой – толкотня с ними оказалась бы чрезмерным испытанием для здорового неженатого мужика.

Так что по всяким-разным соображениям Мечник решил убраться из сеней последним, а потому невольно услышал разговор Белоконя со старшей женой.

– Встретили, да не все, – тихим, будто заледеневшим голосом сказал волхв, пристально взглядываясь в криворотую морщинистую личину. – Где Векша?!

– Я звала, кормилец, чем хошь поклянусь, – торопливо забормотала старуха. – Вон и Кудеслав свидетель: звала-звала, а он-н...

– Цыть! – Белоконь как-то странно зыркнул на Мечника (испугался, что ли?!) и вновь оборотился к жене:

– Помнишь, что я вам всем велел?

Та истово закивала:

– Помню, кормилец, помню! Я же и говорю: звала-звала, и этак, и так – не идет!

Она тоже коротко оглянулась на Кудеслава, но ее-то испуг был понятен: а вдруг выдаст Мечник, вдруг расскажет, как она звала "этак и так"? Ладно уж, не расскажет.

А старуха продолжала бормотать, как-то снизу заглядывая мужу в лицо (хоть были они почитай что одного роста):

– Да ты брось тревожиться: в стойне двери да стены крепкие; сено там, оленью шкуру я отнесла, варева мясного целый горшок... Сытно, мягко да безопасно – чего ж еще-то?

– Безопасно? – прищурился волхв. – Ой ли! Стены низки, кровля травяная – нешто не вломиться медведю? Гляди, старая: случится беда – не прощу. Себя не прощу, а тебя и подавно...

Волхв смотрел только на Старую, и слова его предназначались только ей, но против воли слышавшему их Кудеславу захотелось немедленно провалиться сквозь земляной пол. Хоть он вроде бы тут и ни причем. Да, Мечник почти что с первого взгляда на Белоконева купленника догадался: хранильник почему-то души не чает в этом мальце. Да, любому ясно: в избе Векше было бы куда безопаснее. Так что с того? Кудеслав волхву люб, но не настолько же, чтобы у его очага распорядиться! Не силком же было Векшу в избу волоочь! Не драться же было со старухой, не рогатиной же отгонять ее от запоров!

Сени опустели. Выскользнула уже и Белокониха-Молодая – пряча глаза, прикрывая ладонями горящие щеки. Тоже, небось, сквозь землю провалиться не прочь, хоть любому (и в первую голову ей самой) ясно, что уж ее-то вины тут ни капельки: кто, кроме самого хозяина, на этом подворье посмеет перечить Старой?!

Ай да хранильник! Если даже заведомо безвинные места себе не находят, слыша для чужих ушей предназначенные упреки волхва, то каково же сейчас старухе?!

Мечник все стоял, прислонившись к стене, хоть выход уже освободился. Белоконь снова глянул в его сторону (на этот раз по-обычному, доброжелательно); потом буркнул жене:

– Ладно, ступай спать. Плоску только оставь.

Старуха канула в чуть подсвеченный тлеющим очагом избяной полумрак. Кудеслав прикрыл за нею дверь, обернулся к волхву:

– За бабым мельтешеньем и поздравствоваться забыли... Долгих лет тебе!

– И тебе, – хранильник приступил ближе, кончиками пальцев тронул его плечо. – Благодарствую за спешность приезда... Впрочем, иного от тебя и не ждал.

Кудеслав огладил бородку, откашлялся. Потом сказал:

– Я, коли дозволишь, поброжу до света по двору. Что-то муторно на душе – вроде как этой ночью худое должно случиться.

– И у меня душа мутится, – помрачнел волхв. – Одевайся-ка да выйдем, поговорим там, снаружи – чтоб ненароком баб не перепугать.

Снаружи не осталось ни следа от вечерней туманной сырости. Небо очистилось от туч и сияло несметным множеством ясных холодных звезд. Земля затвердела. Кудеслав рассеянно ткнул под ноги острием рогатины и услышал, как железо с отчетливым хрустом воткнулось в тонкий новорожденный ледок. Брался мороз.

– Я дорогой медведя убил, – Мечник оглянулся на Белоконя, притворяющего за ним избяную дверь. – Хилый оказался да малый, другим медведем пораненный. Думаю, людоед его из берлоги выгнал. И еще думаю, что людоед ваш пришлый. Медведи стадами по лесу не шастают.

Белоконь подошел и стал рядом. Каганец он задул и несколько мгновений внимательно следил, как на конце остывающего фитиля умирает красная точка – последнее дыхание только что погубленного огня. Потом пальцы хранильника внезапно разжались, и глиняная посудинка со стуком упала наземь.

– Пришлый, пришлый, – Белоконев голос был тих, но внятен. – Его, верно, ледоходом принесло. Гордей только то и сказал, будто увечный он, но увечья зажившие, давние. Вроде как носа у него нет. И передняя левая лапа порчена – без когтей (это я по следам разобрал). А еще и по следам, и по Гордеевым ранам выходит, что не дыбится он, когда нападает. Так и прет на четырех – кабаном.

– Хуже не бывает... – Кудеслав сгреб бородку в кулак.

Хранильник кивнул:

– Не бывает.

Они, не сговариваясь, медленно двинулись вдоль избяной стены – без цели, просто чтоб не стоять на месте. Прямо перед ними внезапно и бесшумно возникла тень одного из сторожевых псов. Потершись о ногу волхва, пес выклянчил короткую ласку хозяйских пальцев и сгинул. Несколько мгновений волхв глядел ему вслед, затем снова побрел боги знают куда, раздраженно стуча посохом по мерзлой земле. Кудеслав отправился следом.

Помолчав, хранильник заговорил опять:

– Вот что еще помни: он бросается напрямиком на врага, но в самый последний миг шарается влево, как бы пугается вдруг. И сходу бьет правой лапой.

Снова помолчали. И опять волхв, будто угадав, что Мечник собирается о чем-то спросить, поторопился заговорить первым:

– Он ведет себя скорей как человек. Нюхом обижен, да лапа одна увечна – оттого и повадки у него не звериные. Потому-то я и просил у Яромира тебя, вместо чтоб кого из охотников кликнуть. У самого опытного медвежатника против такого выйдет то же, что у Гордея вышло. Тут воин надобен.

Белоконь почти слово в слово повторил утренние Кудеславовы рассуждения, и Мечник про себя порадовался собственной догадливости. А старик продолжал:

– В окрестных местах только двое способны с ним совладать: ты да я. Был бы он не простой медведь, а и впрямь оборотень, как мне сперва померещилось из-за его человеческой повадки, то я бы сам... Но вот нынче ходил, глядел следы – все-таки зверь он. Увечный, неправильный, но душа в нем звериная. А погубить своими руками медведя я не могу. Именно этого – никак не могу. Боги не велят, я уж спрашивал. Сына он мне поломал, изувечил – а не добил же, выпустил-таки живым из леса. Чем-то прогневил я богов, вот и карают. Сам убью – осерчают пуше прежнего, сынову жизнь заберут. А может, и не только его... Ну, ты уж выходи, будет хорониться-то!

Ошарашенному Кудеславу изрядного труда стоило понять, что последняя фраза предназначена не для него и не для людоеда.

– Выходи-выходи! – Белоконь чуть повысил голос. – Знаю же, что подслушиваешь!

За разговором волхв и Мечник успели подойти к стене хлевца, в котором стояли хранильничевы лошади. Обманчивый звездный свет увеличил приземистое строение, оборотив его в огромную глыбу непроницаемой черноты. И внезапно отлепившаяся от этой глыбы человеческая фигура сперва тоже показалась великанской. Однако подступив да остановившись шагах в трех от хранильника и Кудеслава, фигура превратилась в фигурку и произнесла хрипловатым знакомым голосом:

– Ну?

– Я те понукаю! – хмуро сказал волхв. – Ты чего вылез? Жизнь не мила?

– А чего в ней милого-то? – так же хмуро осведомился Векша.

– Еще и дерзит старику! – Белоконь возмущенно пристукнул посохом и глянул на Кудеслава, будто сочувствия от него ожидал.

Кудеслав торопливо изобразил на лице сочувствие, а через миг спохватился, что старания его большей частью пропали напрасно: при таком свете лицо разглядеть легко, но, к примеру, дружеская улыбка может показаться хоть злобным оскалом, хоть гадливой гримасой.

– Душно там, – вдруг сказал Векша, глядя в сторону. – Смрадно. Тесно. Спать хочется, а какой может быть сон, если мне лошадь чуть на голову не наступила?!

– Ну так иди спать в избу, – как-то слишком уж миролюбиво сказал Белоконь.

Мальчишка удостоил его коротким взглядом исподлобья и вновь отвернулся:

– Не пойду.

– Пойдешь-пойдешь! – волхв снова пристукнул посохом. – Для начала сходи принеси огниво мое – я где-то в сених выронил.

– В сених темно. Как же я впотьмах искать стану?

– А ты в избу зайди, вздуй очаг да подожги от него лучину, – терпеливо объяснил Белоконь.

– Все равно не пойду. Там эта...

Кудеслав тихонько отошел подальше от спорщиков. Однако же спорщики были хороши – старец невесть какой древности и голоусый пащенок! Кто другой на месте Белоконя первую же мальчишечью дерзость оборвал бы затрещиной. Да и сам Белоконь, будь на месте Векши хоть даже Гордей (родной сын, почти старик), наверняка не стерпел бы ни единого возраженья. А тут...

Векша все-таки отправился в избу – медленно, оглядываясь на каждом шагу и (Мечник готов был поклясться в этом) тихонько поминая старого волхва нехорошими словечками. А волхв молча глядел ему вслед. Кажется, старик улыбался – во всяком случае это явно не было ни злобным оскалом, ни брезгливой гримасой.

Когда мальчишка сгинул в черном зеве избяной двери, хранильник обернулся к Кудеславу и подманил его пальцем. Да, старик улыбался. Хорошо улыбался, по-доброму. А Мечник не удивился бы, увидав на его лице другую улыбку, которая куда страшней гримас да оскалов.

– Ишь, норов-то! – сказал волхв. – Ну да ничего, пообвыкнет – утихомирится.

– Зачем тебе огниво? – спросил Кудеслав (просто так спросил, чтоб не молчать).

Белоконь еле слышно рассмеялся:

– Огниво? Огниво мне не нужно, потому что вот где оно, – старик похлопал по висящему на поясе кожаному мешочку. – Ничего, пускай ищет... Небось, удивляешься моей терпеливостю к купленному мальцу? – спросил он внезапно.

Мечник только плечами пожал: мое ли, мол, это дело?

– Надобен он мне, – волхв посуровел. – Силу чую в нем ведовскую. Мои сыны такой не имеют... Нет, иначе. Имели, да порастеряли почти без остатка. Разучились они слышать неслышимое, и говорить с невидимыми не могут. И не смогут, потому что охоты мочь не имеют. Они, живя под моей рукой, сами того не понимая, пуще всего мечтают хоть в чем-нибудь превзойти меня. А чтобы превзойти меня в волховании, надобно прожить век не менее моего, да так прожить, как я свой прожил... Вот и ищут они для себя другого. Мне замена надобна, продолжатель, которому бы святилище после себя доверить. Подворье-то есть кому передать – лучше Гордея хозяйство никто не управит, а вот храненье святыни... И внуки не в меня – в них удаются. Вот если бы ты...

Кудеслав вздохнул и отвел глаза. Не однажды затевал с ним Белоконь подобные разговоры; не однажды предлагал угол в своей избе. Всякий раз, как созревала до замужества очередная Белоконева внучка, волхв соблазнял Мечника возможностью породниться – и всякий раз это бывало тщетно. Спасибо, что старик хоть прощал отказы. Впрочем, иного ожидать было бы странно – волхву-то как никому другому должны быть понятны причины упорного Кудеславова нежелания уйти из отцовской избы (хоть чьей она нынче ни называйся, а очаг-то родительский!) и взять за себя девушку из семьи хранильника.

А вот Кудеслав все же не понял причины странного отношения волхва к своему купленнику. Верней сказать – не поверил объяснению старика. Будто бы тот неглавное приоткрыл, а о главном решил умолчать. Что ж, его дело и его воля – мог бы вообще об этом не заговаривать.

Скрипнула избяная дверь, прохрустели по молодому ледку хазарские сапоги, и Векша, подойдя вплотную к волхву, ткнул ему в руку огниво.

– Твоего не наш... – малец поперхнулся внезапным коротким кашлем, вытер ладонью губы. – Не нашел, говорю, твоего-то. А это лежало близ очага.

Хранильник, хмыкнув, взял принесенное, и вдруг рывкнул страшным голосом (аж псы отозвались всполошенным тьяканьем):

– Последний раз говорю: ступай в избу!

Вздрогнувший от неожиданности малец только отчаянно замотал головой вместо ответа.

– Ишь ты, упрямец какой! – Белоконев голос опять стал прежним – тихим и дружелюбно насмешливым. – Ладно уж, сторожите вместе, ежели Мечник согласится этакого неслуха терпеть рядом с собой. Толку, правда, с тебя, что с дрозда удою...

Волхв шагнул было к избе, но передумал, вернулся, заговорил опять:

– Волкогонова тела я не нашел. Медведь поначалу его отволол недалеко от того места, где задрал, а недоеденное прикопал под прелые листья. Только сейчас там пусто. Сам людоед к добыче больше не подходил – волки да хищная мелкота растащили-догрызли. Так что людоед нынче к утру будет голоден и зол на весь свет.

Белоконь запнулся на миг, придвинулся ближе к Кудеславу:

– Ты попригляди за неслухом, не дай случиться худому! А ты, – это уже Векше, – все, что Мечник прикажет, чтоб без споров, мигом!.. Уразумел? И про то, что я велел, тоже помни! Слышишь меня?!

Он дождался хмурого Векшиного кивка, буркнул: "Ну, то-то!" и вдруг тихонько квакнул по-жабы.

Пошутить, что ли, вздумалось старику напоследок? Может, и так. Только даже стоявший от Векши в двух-трех шагах Кудеслав отчетливо услышал, как при этой шутке дробно застучали зубы купленного мальчика.

3

Звезды на востоке начали блекнуть – исподволь, еле заметно для глаз к глотке ночи крался осторожный рассвет. Самая тяжкая пора для сторожи; самая опасная пора, если ждешь нападения врага-человека. А волхв говорил, будто людоед ведет себя почти что по-человечьи...

Пробродив всю ночь вокруг огорожи, Кудеслав разрешил себе наконец миг-другой отдохнуть и уселся прямо на землю, привалившись к стене скотьей сараюшки. Векша, таскавшийся за Мечником как привязанный, устроился рядом.

С тех пор, как хлопнула за ушедшим Белоконом избяная дверь, доброхотные сторожа не перемолвились ни единым словом. А тут малец вдруг тихонько заговорил:

– Дозволишь спросить?

– Чего тебе? – досадливо покосился в его сторону Кудеслав.

– У тебя жена есть?

– Нет, – Мечник скрипнул зубами и отвернулся.

Вот ведь избаловал Белоконь щенка! Самое время сейчас любопытство тешить!

Кудеслав чувствовал, что тело будто собственной волей норовит уместиться поудобней, что веки наливаются вкрадчивой, соблазнительной тяжестью (все-таки вторая подряд бессонная ночь)... Сейчас бы самое время встряхнуться, слушать в четыре уха да следить во всю силу глаз за непроглядной чернотой близкой опушки... А пащенку, видите ли, засвербило именно теперь пристать с расспросами! И ведь не унимается же!

– А почему ты до сих пор не женат? Если по неспособности...

Все-таки ни ловкостью, ни вниманием боги не обделили Векшу. Малец успел отшатнуться, и Мечников кулак лишь безвредно мелькнул возле его лица. Вскочить на ноги да отбежать, вывернувшись из-под второго удара, парнишка тоже успел.

Уже с безопасного (как ему показалось) расстояния Векша торопливо заговорил:

– погоди бросаться, я ж не в обиду тебе! Я ж помочь... А то вон эта коряга старая говорит, будто ты четырежды отказывался от Белоконовых внучек. Я бы...

Нет, вовсе зря мальцу показалось безопасным расстояние в десяток шагов. Кудеслав не удосужился играть в догонялки с наглым пащенком; он даже не удосужился встать, а просто-напросто схватил прислоненную к стене рогатину. Метать пришлось левой рукой и почти без взмаха (сидя под стеной не больно-то размахнешься), но бросок получился из тех, от которых даже опытные воины уворачиваются с немалым трудом. Векша воином не был; тупой конец дровка угодил ему точнехонько под грудь. Мальчишка сложился пополам и рухнул на землю.

Несколько мгновений Кудеслав мрачно следил, как он корчится, не в силах ни разогнуться, ни вдохнуть полной грудью. Мечник уже сожалел о сделанном. Конечно, нужно было проучить наглеца, но урок получился слишком жестоким. Как теперь Белоконю в глаза смотреть, если окажется, что изувечил-таки мальчишку?

– Ду... Дурень... Зверина... Дурень... – к Векше постепенно возвращалась способность дышать; он не говорил, а давился мучительными всхлипами. – Помочь же могу... а... а ты... Дурень, зверина ты! Я наузное плетение знаю... Могу оберег... от хворей, от мужской слабости... А ты... ты... ты...

Он заплакал. Громко, по-детски, взхлеб. Кудеслав подошел, нагнулся, попробовал приподнять, но Векша зло вывернулся из его рук.

Через несколько мгновений мальчишка забарахтался и сел. Он все еще не мог оторвать ладони от ушибленного места, и дышал трудно, но по всему было видно, что дело обошлось без серьезного увечия.

На склонившегося к нему обидчика Векша даже не покосился – упорно смотрел в сторону, как при давешнем препирательстве с волхвом.

– Сам ты дурень, – тихонько сказал Кудеслав, коснувшись Векшиного плеча (тот стряхнул его руку и отодвинулся). – Да если бы можно было помочь волхованием, нешто Белоконь мне не помог бы? Ну, хватит кукситься. Ты и сам-то хорош: едва успел увидеть человека, а уже набиваешься помогать в таком деле; вгрызаешься в душу... Да еще и слово к слову привязать не умеешь, чтоб сразу было понятно, чего тебе надобно. А от ударов моих ты хорошо уклонялся. Из тебя добрый воин получится, это уж ты мне верь. Только плакать воину никак нельзя, слышишь? И охотнику тоже нельзя; и настоящего ремесла без терпения не бывает...

– Я не от боли. – Векша мрачно шмыгнул носом. – Я от обиды.

Мечник усмехнулся:

– А от обиды и вовсе не к чему. От обиды встал бы да засветил в ответ – чтоб до хруста, чтоб зубы из ушей брызнули!

Парнишка недоверчиво скосил на Кудеслава заплаканные глаза:

– Тебе засветишь! – Векша судорожно всхлипнул и утер лицо рукавом. – Ишь, вымахал... Облом стоеросовый...

Кудеслав и прежде не больно-то рассчитывал на Векшу; теперь же малец стал просто-напросто помехой. Понимая, что нужно как можно скорее успокоить его (иначе за всхлипами да постаныванием не только крадущегося людоеда – наскок конной дружины не успеешь расслышать), Мечник заговорил – спокойно, раздумчиво, будто бы между неосторожным вопросом и вот этим ответом ничего особого не случилось:

– А жены у меня нет потому, что не судилось встретить такую... Ну, по сердцу в общем. Да и куда я ее приведу, жену-то? В занавешенный угол? Что же до Белоконевых внучек... Попроси волхв – любую бы взял, по сердцу там или нет; хромую и косую взял бы ради него, вот только... Давно, еще в скандийской земле, ворожея одна мне напорошила: быть тебе убиенным люто, ежели возьмешь за себя родню самого близкого твоего друга-приятеля. И ему (другу то есть) от такого выпадет много зла. Это прорицание верней верного. Моему побратиму-урману та же старуха предрекла: "Хочешь живым быть – завтра хмельного в рот не бери". А он не послушал. "Это я, – сказал, – ежели не опохмелюсь, так уж точно помру".

– И что? – Векша глядел на примолкшего Мечника, распахнув рот; глаза мальчика сделались каждый с добрую плоску.

– А ничего, – Кудеслав отвернулся, встал. – Сбылось прорицание. День пройти не успел, как сбылось.

Мечник нагнулся за рогатиной, постоял миг-другой, и, не оглядываясь, двинулся к огороже. Он слышал, как постанывает да ойкает поднимающийся на ноги Векша, но обижать мальчика помощью не стал. Понадобится, так, небось, сам попросит. Или не попросит. Гордости у него через край, да глуп еще, но, похоже, будет толк из мальчишки. И вот ведь как выходит – на роду ему, что ли, написано получать побои древком рогатины? Второй раз уже, и опять глупей глупого...

– Я о скандийском прорицании долго Белоконю не говорил, – Кудеслав решил рассказать все до конца, опасаясь, что иначе Векша вновь полезет выпрашивать. – Неловко было сознаться, будто приятелем его почитаю: он же меня боги знают на сколько старше... Отнекивался тем, что жену вести некуда, а от родительского очага отрываться душа не лежит. Только когда Белоконь четвертую свою мне предложил, пришлось открыться. Поверил старик, понял, обиду не затаил...

Мечник подошел к ограде и замер, опершись на рогатину. Векша (кажется, ему наконец удалось подняться) выговорил, тяжело дыша:

– Про наузное плетение – это правда. Ежели в чем надобность будет, так ты только скажи.

Кудеслав молча кивнул. Если парнишка впрямь наузник, то понятна его немаленькая цена. Наузное умение считается наравне с мастерством кузнеца-оружейника; и с кузнечным же делом наравне считается оно занятием ведовским. Каждый узел имеет скрытое волховское свойство, а потому любая вещь, сплетенная наузником (даже если это не амулет, а бабий убор или конская сбруя), может принести хозяину немалую пользу. Или немалый вред.

Даже Мечнику, изрядно постранствовавшему по чужим землям, довелось увидеть лишь пять или шесть вещей, хитроумно сплетенных из цветных шнуров, ремешков или оловянной проволоки. И цена этим вещам была куда выше, чем таким же, сделанным по-обычному, пускай хоть из самой тонкой кожи или даже из шитого персидским бисером шелка...

Ни разговоры, ни раздумья не мешали Кудеславу следить за тем, что творилось вокруг. Он успевал замечать почти невидимые тени слоняющихся по двору сторожевых псов; слышал разморенное всхрапывание спящей скотины, вкрадчивые похрустывания и шорохи ночного леса...

Векше показалось даже, что Кудеслав вздрогнул и напрягся за крохотный осколочек мига ДО того, как со стороны ближней опушки донесся резкий щелчок треснувшей ветки. Подобное слышалось оттуда и раньше – иногда даже громче – но именно в этом звуке было нечто, насторожившее Мечника. И не только его. Все четыре пса, мгновенно оказавшись рядом с Кудеславом, словно приклеились взглядами к непроглядной стене лесной черноты.

Легкий ветер, с полуночи тянувший вдоль ложины, утомился и стих. Беспольным сделалось собачье чутье – таким же бесполезным, как и людское зрение. И людям, и псам обманчиво светлая ночь оставила только слух.

Но тишину пока нарушало лишь трудное Векшино дыхание да еле слышимое ворчанье собак. Лес будто вымер после странного треска, и скотьи сараи словно бы вмиг опустели – это и подсказывало Мечнику, что правильно он решил не спать в эту ночь.

Второго щелчка Кудеслав почти не расслышал. С оглушительным лаем псы разом перемахнули через огорожу и кинулись к лесу. Мечник пытался воротить их окриками, но куда там! Разве что одного Белоконя они бы послушались, да и то...

Хмелеющие от своей глупой отваги псы провалились в лесную темень, и та мгновенно вскипела злым шумом смертного боя. Многолапый топот по мерзлым прошлогодним листьям, треск, рык, свирепое влаивание... И только однажды все это подмял хриплый тягучий рев, от которого зашевелились волосы на Векшиной голове. А потом шум звериной схватки прорезался истошным визгом – еще раз, снова – и на лес обрушилась тишина.

Дурную, ох и дурную же службу сослужило охранным псам хозяйское умение жить в мире с чащобой-матушкой! Будь у них не то что привычка к охоте на крупного зверя, а хоть вполовину меньше отваги – куда как тяжелее пришлось бы людоеду. Но что толку жалеть о том, что могло бы быть?!

Кудеслав торопливо стряхнул рукавицы и попятился от огорожи. Коротко оглянулся на Векшу:

– Сможешь на избяную кровлю залезть?

– Д-да...

– Тогда быстро! И чтоб не как давеча в лесу. Ослушаешься – не медведь задавит, так я до смерти запорю!

Векшины сапоги часто протопали через двор, и Мечник мгновенно забыл о Белоконовом купленнике. Лес молчал; между опушкой и огорожей не виделось ни малейшего шевеления, но ясно было, что людоед вряд ли удовлетворится собачатиной.

Медленно отступив на середину двора, Кудеслав замер: лицом к опушке, спиной к узкому проходу между стенами избы и скотьей сараюшки (изба по левую руку, сарай – по правую). Нет, Мечник не тешил себя надеждой, что людоед сунется прямехонько на него. После

того, как умно медведь выманил на себя псов, рассчитывать на его оплошку мог бы только пустоголовый. Но вот показаться людоеду пустоголовым – это была бы удача.

Держа рогатину в опущенной левой руке, Кудеслав неторопливо потащил из ножен меч. Он не сомневался, что медведь уже возле огорожи (может быть, даже по эту ее сторону) и что при своем увечии да немалой тяжести жадная до человеческого мяса зверюга не станет и попытаться достать угнездившегося на кровле Векшу.

Заржали, забились в сарае лошади. Через несколько мгновений вроде бы что-то царапнуло бревенчатую стену – не разобрать, сарая или избы, но звук донесся из прохода меж ними.

– Видишь его? – негромко и нарочито спокойно спросил Кудеслав.

– Н-нет, – донеслось с кровли. – Вроде где-то под...

– Цыц!

Снова заполошное конское топотание, снова царапающий звук в проходе. Не поверил, значит, людоед, будто Кудеслав ждет его от опушки. Стало быть, пустоголовым не посчитал – посчитал полудурком. Шумнул, привлек внимание к этой щели между двумя стенами, а сам обойдет избу (навверняка не сараюшку – зачем ему лишний раз выдавать себя лошадиной тревогой?!)... Обойдет, значит, избу, хоронясь от Векши под нависающими закраинами тесовин, выждет и нападет со спины. Хитер... Ой, гляди, медведюшка, как бы тебе самого себя не перехитрить!

С нарочитой поспешностью Кудеслав оборотился к проходу. Присогнув левую руку, он вздернул жало рогатины, обозначая готовность принять на него звериный наскок, шагнул было вперед... и вдруг резко обернулся к тому углу избы, из-за которого ждал опасности.

В первый миг ему показалось, что изба рушится. Словно бы распираемый изнутри неведомой силой, дальний угол ее выпятился наружу черным уступом-горбом, и уступ этот все рос, все надувался бесшумно и жутко...

Нет, крепко связанный вперехлест стык избяных стен конечно же был целехонек. Выпершая не из, а из-за него чернота замерла на мгновение, сверкнула искрами несообразно маленьких, близко посаженных глаз...

Кудеслав не шевелясь ждал медвежьего выбора: попятиться ли, продолжить игру в смертные прятки, напасть ли сразу – на то сейчас воля людоеда.

Промедлив лишь миг, медведь все так же бесшумно отлепился от стены, выскользнул из-под нависающей кровли и без малейшего видимого усилия вскинулся на дыбы.

Да, уж куда там давешнему заморенному трехлетку! Приступи людоед вплотную, голова его оказалась бы пяди на четыре – а то и на шесть – выше головы Мечника (которого, кстати сказать, боги отнюдь не обидели ростом).

С крыши донесся сдавленный вскрик. "Наконец-то заметил..." Раздражение Кудеслава было мимолетным: Векша покуда в безопасности и слишком напуган, чтобы пытаться что-то сделать (а, значит, не сможет помешать) – ну и нечего о нем помнить.

Медведь не двигался с места, только как-то чересчур суетливо для этакой грозной туши вертел головой, настороженно озираясь. Миг-другой его повернутая в сторону морда довольно отчетливо выделась на фоне бледнеющего неба, и Кудеслав успел заметить, что нос людоеда не то обрублен, не то словно бы сплюснен тяжким встречным ударом. И в медвежьих глазах, время от времени вспыхивающих краснотой, тоже мерещилась еле уловимая странность – левый казался не то тусклей, не то меньше правого. Нюха лишен, да еще кривоват – вот и вертит головой, будто птенец-недоперок... однако не хватит ли гляделками баловаться?!

Кудеслав внезапно почувствовал, что медведь вот-вот уйдет, так и не решившись напасть. Повадка вскинувшегося на дыбы зверя действительно была почти человеческой, понятной и предсказуемой. Людоед сознавал свою ущербность; лживое звездное сияние обманывало его так же, как и человека. Похоже, Белоконь ошибся: голод еще не настолько истерзал медвежье нутро, чтобы пересилить осторожность увечного зверя.

Уйдет...

В тот самый миг, когда эта уверенность окончательно овладела Мечником, людоед рухнул на все четыре и молчком ринулся к стоящему перед ним человеку.

Всего-то и нужно было чудищу пробежать два десятка шагов прежде, чем враг опомнится. Но и человеку нужно было успеть немного.

Выронив рогатину, Кудеслав обеими ладонями обхватил рукоять меча, и, сгорбившись, почти коснулся острием клинка земли у правой ноги.

Дальше все было точно как рассказывал волхв. За пару шагов от неподвижного врага медведь прынул в сторону. Перед глазами Мечника промелькнула отвратительная звериная морда (такого, наверное, и в похмельном сне не увидишь: вся левая половина – сплошное месиво шрамов, рубцов и наростов); смрадный выдох обжег лицо; отсвет бешеных медвежьих глаз слился в стремительную полосу багрового пламени... И Кудеслав, припав на колено, ударил клинком влево и вверх – навстречу заслонившей полмира стремительной когтистой лапе.

Отдавшийся свирепой вспышкой боли в запястьях удар был так силен, что едва не вышиб меч из Кудеславовых рук. По лицу хлестнули горячие соленые брызги; уши вымучил пронзительный вой; тяжкий толчок в плечо сшиб Мечника на спину...

Перекатиться, вскочить, вновь вскинуть клинок – дело одного мига.

Но рубить уже было некого.

Рыдая совершенно по-человечьи, людоед убежал – на задних лапах, снова-таки как человек. От его передней правой осталась лишь короткая, хлещущая кровью культя; остальное валялось у Кудеславовых ног – оно-то, верно, и сбило пытавшегося подняться с колена Мечника. Силен же был людоедов наскок, если даже срубленная лапа ударила с этакой силой. Спасибо мечу, не выдал. Не переруби клинок кости, увязни в ней, так и дух бы вон из его хозяина.

Утирая рукавом окровавленное лицо, Кудеслав глядел вслед медведю. Тот словно бы вовсе ослеп от боли. Видно было, как людоед напоролся на огороду, проломил ее и упал. Выпугавшись из жердяных обломков, он попробовал было скакать на трех, но увечная передняя левая, похоже, худо служила ему – медведь снова взбросился на дыбы.

Все-таки с потерей лапы чудище не утратило остатки соображения.

Людоед не стал забиваться в чашу: понимал, что ломясь на двух сквозь кусты шуму не оберешься, да сам же себя издерешь о ветви и сучья. Чудище бросилось вниз по лощине – и лес там куда реже, чем на склонах, и под гору легче бежать. Но лощина-то упирается в ручей с крутыми обрывистыми берегами! А на ближнем берегу ручья – Родово святилище...

Похоже, людоед бежит напрямик в ловушку, откуда ему будет лишь один выход – назад. Или это боги ведут его к Светловидову месту, давая Мечнику знать, какую жертву следует принести за ниспосланную удачу?

Вломись раненый медведь в густую чащобу, Кудеслав не решился бы кидаться в догонку до полного света. А так... Медведи живучи. Рана-то страшна, но судя по шрамам людоеду уже довелось пережить почти столь же страшную. Да, у него теперь лишь одна передняя лапа – и та увечная; но вон ведь как ловок на задних-то... В любом случае, его легче добить, пока он не опомнился. А добить нужно. Хоть и невелика возможность, что оклемается он, выживет, а все же такая возможность есть.

Ни один опытный медвежатник не поверил бы в то, будто шатун способен оправиться после этакой раны. Любой охотник выждал бы с преследованием, давая зверю ослабеть от потери крови (ведь по нынешней поре в лесу не бывает случайных людей, на которых могло бы наскочить разъяренное чудище).

Но Кудеслав был плохим охотником – он был воином; а людоед вел себя настолько по-человечьи... И Мечник бессознательно поступил так, будто его враг впрямь человек, способный, затаившись, перевязать рану, успокоиться и вновь стать опасным, или успеть добраться к своим, которые помогут и отправятся мстить...

Проверив, не выпал ли из-за голенища нож, Кудеслав мельком оглядел избу (что-то не видать Векши на кровле – не упал ли малец с перепугу?) и торопливо пошел вслед за медведем.

Сразу оказалось, что шагом пораненную тварь не догнать. Пришлось бегом, чуть ли не во всю прыть.

Светлело. Уже четко выделялся на беленной инеем земле кровавый след, а впереди по временам различалась мелькающая среди деревьев мохнатая темная спина.

И вдруг медвежий плач прекратился, будто бы людоеду смаху заткнули пасть. Пробежав еще с полтора десятка шагов, Кудеслав обнаружил, что след подранка круто завернул влево – на поросший кустами склон. В кустах трещало, однако куда слабее, чем можно было бы ожидать: похоже, людоед опаматовывает, вспоминает об осторожности. И крови на земле вроде бы меньше стало... Как ни страшна рана, а по морозцу кровотоку может и ослабеть.

Сойдя со следа, Мечник бесшумно двинулся в обход приютившей медведя заросли. Густая, труднопролазная крепь оказалась на удивление небольшой. Случайно, намеренно ли, но людоед вновь повел себя как человек: лишенный обоняния, он выбрал для последнего своего убежища заросшую гломом впадину посреди довольно обширной полянки. Залег в крепком месте с хорошо просматривающимися подходами. Знать бы, что у медведюшки на уме. Только месть? Или, несмотря на тяжесть увечья, близость человеческого жилья и погоню, все-таки надеется отлежаться и уйти? Когда? Станет ждать следующего темна или еще до рассвета попытается вырваться в подлинную лесную чащу?

Что ж, как бы то ни было, соваться к нему сейчас – безмерная глупость. Придется ждать света. И людоедовой воли.

Тихо проскальзывая от дерева к дереву, Кудеслав выбрался на середину склона и затаился так, чтобы одинаково споро можно было заступить чудищу дорогу, кинься оно хоть вверх (в чащу), хоть вниз – на противоположный склон или к волховскому жилищу. Только один путь оставался людоеду свободным – в конец лощины, к святилищу, откуда лишь назад можно.

Темный горб заросли пучился посреди поляны, будто клок мха на раскрытой ладони. В блекнувших сумерках уже различалась путаница голых ветвей, лишь кое-где испятнанных грязной желтизной мертвых скрюченных листьев; первые предрассветные лучи нет-нет, да и взблескивали на каплях вчерашней вечерней влаги, примерзших к остриям длинных шипов... Было тихо, как бывает в лесу только перед восходом. Из щетинящейся непролазными кустами впадины тоже не доносилось ни звука. Может, все-таки обессилело или подохло чудище? Хорошо бы... Только хорошее редко случается само по себе.

А потом занялся ветер. Именно занялся – внезапно и сразу на всю немалую силу, как занимается брошенная на вроде бы уже погасшие угли сухая еловая лапа.

Загудели, закачались древесные вершины, роняя истлевшие сучья да ошметки мертвого корья; скрипом и потрескиванием отозвалась ветру приютившая людоеда заросль...

Вроде бы что-то мелькнуло в мешанине раскачивающихся кустов. Нет, кажется, померещилось. Там теперь что угодно померещиться может; теперь людоедово шевеление заметишь только если проклятая тварь выломится на открытое...

И тут краешком глаза Кудеслав разглядел-таки движение поблизости – только не в укрывшей людоеда крепи, а внизу, под склоном, у поворота кровавого медвежьего следа. В голову Мечнику не могло придти, что нужно и за ложиной следить; даже мельком не думалось, будто кто-либо из Белоконовых окажется способным на такую непомерную глупость. Как это Белокониха Старая ругалась с вечера – проклятие купленное? Проклятье и есть! Но волхв-то куда смотрел, как позволил?! Неужели он, наверняка слышавший, что творилось снаружи, по сию пору боится нос из избы показать?! Что-то не похоже на хранильника... Но тогда почему?!

Векша. Идет медленно, озирается, вздрагивает, но – идет. В руках – рогатина, вчера даренная Кудеславу названным родителем. Выронил ее Мечник на Белоконовом дворе за миг до

сшибки с медведеподобной жутью, не потребовалось ему доброе охотничье оружие. А Векше, выходит, удалось разглядеть, что выронил, а вот что по ненадобности – то невдомек?

Кудеслав-Мечник, кидаясь добивать раненого врага, забыл оружие – это вообразить же такое! Кажется, и вовсе пустоголовый догадался бы: раз покинул, где уронил, значит не нужна! Так нет же, тащит! Или Кудеславово отсутствие показалось чересчур долгим, и эта безголовая дубина решила идти на выручку?!

Щуплая фигурка с несообразно длинной рогатиной в неумелых руках (при иных делах такое показалось бы смешным) медленно, с явной опаской принялась было взбираться на склон, но едва начав подъем замаялась и встала. Страшно все-таки. И, наверное, видит, что след теряется в заросли. Вот сейчас самая пора поворотить восвояси... Как бы не так! Похоже, собирается окликать – наиглупейшая глупость из всех, что уже сотворены и до которых еще можно было бы додуматься. Впрочем...

Впрочем, эта глупость может оказаться на пользу.

Кудеслав отлепился от двуохватного древесного ствола, за которым хоронился, и торопливо заскользил вниз по склону. О бесшумности шага можно было особо не заботиться (теперь-то ветер не одному людоеду на пользу); лишь бы остаться незамеченным и для залегшего в кустах чудища, и для Векши...

Ну, так и есть! Тихий перехваченный окрик:

– Э-гей!

Вертит головой, вслушивается в гудение шатаемой ветром чащи. И снова – чуть громче, прерывисто (кажется, даже слышать дробное пристукивание зубов):

– Эгей, где ты?

Ну, все: Кудеслав добрался до нужного места. Теперь он ничего уже так не хотел, как чтоб людоед расслышал, наконец, Векшины призывы. Лишь бы только невольная приманка сперепугу не испустила дух... Ничего, авось обойдется – боги добры к полоумным.

– Эгей! Ты живой еще? Отзовись!

Отозвался.

Только не Кудеслав.

С оглушительным ревом выломилось из кустов вздыбленное мохнатое чудище. Только теперь, при свете занимающегося утра, Мечник до конца осознал, с чем ему пришлось иметь дело. Непомерный даже для вздыбленного медведя рост; отвратительная голова, будто бы в огромной ступе-давилке побывавшая; стесанные с левой половины морды уродливо сросшиеся губы обнажали кровавые десны (а местами и посеревшую засохшую кость); клыки – желтые, капающие вязкой слюной, способные одним движением раздавить человеческую голову, хоть бы даже упрятанную в железный урманский шлем... В довершение всей этой жути от резкого броска вновь открылся кровоток из нанесенной Мечником раны, и на бегу людоед хлестал себя, деревья и землю вокруг горячим алым ручьем.

Даже крик ужаса не сумел вырваться из вмиг пересохшего Векшиного горла: выписнулось оттуда что-то неразборчивое, жалкое, утонувшее в громовом медвежьем реве – и все. Тоненькая фигурка, казавшаяся хворостиной на пути камнепада, выронила рогатину и скорчилась, заслоня ладонями голову. Обороняться оружием, бежать – хоть бы мысли такие шевельнулись в вымороженной страхом голове Векши! Ничего, небось умней будет, ежели уцелеет.

Уцелеет.

Высочивший из новой своей засады Кудеслав в два прыжка очутился между людоедом и его беспомощной жертвой. Он не успел как следует утвердить ноги на склоне, не успел даже повернуться лицом к чудищу – пускай. С разворота, обеими руками Кудеслав ударил острием клинка туда, где под свалившейся, мокрой от крови шкурой яростно колотилось медвежье сердце. И всей тяжестью огромной туши, всей невероятной скоростью своего двулапого бега людоед помог по самую рукоять всадить в себя крепкое отточенное железо.

Сила удара вышвырнула Кудеслава из-под рушащегося медведя. Наверное, боги все-таки берегли хранильникова наперсника; а может, душа покойного отца-кудесника витала нынче поблизости. Так ли, иначе, но Мечник дивом каким-то не врезался затылком в древесный ствол и опять-таки дивом не напоролся на наконечник рогатины, когда всей спиной грянулся оземь возле самых Векшиных ног.

Падение было сильным – в первый миг Кудеславу показалось, что придется старому хранильнику сращивать сыну своего давнего друга переломанные кости. Нет, обошлось. Мечник сумел сперва сесть, а потом и подняться. Он не спешил – чувствовал, что спешить больше не нужно.

Медведь валялся на брюхе в пяти-шести шагах выше по склону – неподвижно, раскинув увечные лапы, нелепо вывернув исполосованную шрамами голову. Полуприкрытые глаза мутны и тусклы; уши не прижаты – мягко обвисают, будто у разомлевшего на жаре сонного пса...

Не притворяется.

Труп.

Кончилось.

Где-то там – клинком в этой груди мертвого мяса, рукоятью в земле – застрял драгоценный Кудеславов меч. Пока – пусть.

А тут, рядом – Векша. Конечно же эта попытка придти на выручку была из глупостей глупостью. Но это была попытка придти на выручку. Обмирая от страха. В одиночку. Сознавая собственную никчемность перед людоедовой яростью. Придти на выручку. Тебе. Так что, повернется язык бранить, выговаривать, хоть единое слово худое сказать?

Нет.

Еле стоит, лицо белей снега, губы посерели, трясутся, с ресниц срываются частые прозрачные капли... Кудеслав увидел, как вдруг закатились немисливо поогромневшие глаза, в которых словно бы навсегда решил угнездиться только что пережитый ужас – увидел и еле успел подхватить под мышки запрокидывающееся, оседающее мальчишечье тело.

Мальчишечье?

Как бы не так.

Нет, Мечник не удивился. И без этого прикосновения он давно уже был готов догадаться, что Векша не купленник – купленница. И догадался бы, да только мешали мысли о людоеде.

Ведь взять хоть ту же лисью безрукавку: кто же это по доброй охоте уляжется спать в меховой одежде? Да, общинная изба была непротоплена – так что же? Для такого случая на полати теплое покрывало положено.

Разденься, ляг да заройся хоть с головой – и не придется потом в волглом от сонного пота выезжать на мороз... Это, конечно, ежели не боишься, что под тонким сорочечным полотном досужие глаза распознают немальчишечью высокую грудь.

Или давешняя вроде бы нелепая озлобленность Белокожих Старой. Как это она сказала? "И тебя... Все вы одинаковы – что мудрецы, что воины..." Одно дело – голоусый малец, тут и впрямь такая злоба казалась странной. А если не малец? Если хозяин-кормилец купленницу себе раздобыл? Если он на немислимой старости лет своих будто разума из-за нее лишился, красотой привороженный? Парнишкой-то она глядится нескладненьким, хилым, но вот так, если знать... Ой, есть ей чем мужиков привораживать! За такую иной гость и впрямь не поспешил бы на шестьдесят соболей, даже не будь она выучена редкому ремеслу. Да что шестьдесят – Кудеслав, выпади случай, может и больше отдал бы...

Векша шевельнулась, растерянно глянула на склонившегося к ней Мечника. И вдруг глаза ее вновь помутнели, лицо исказилось от ужаса – вспомнила.

– Тихо, тихо! – Кудеслав еле успел схватить за плечи рванувшуюся с земли девушку. – Все уже, все! Дохлый он. Можешь подойти да хоть за язык подергать.

Приподнявшись, Векша осторожно выглянула из-за Кудеслава плеча. Мгновенье-другое она, по-прежнему хоронясь за стоявшим перед ней на коленях Мечником, напряженно разглядывала неподвижную, будто бы собственной тяжестью сплюснутую тушу людоеда. А потом...

Потом с внезапным надрывным плачем девушка вцепилась в Кудеслава и изо всех сил прижалась лицом к его плечу. Треух свалился с Векшиной головы; ветер рвал-шевелил холодное пламя коротких волос, щекотал ими лицо опешившего Мечника... Ох и дивная же, небось, была коса! Тяжкая, пышная... Рыжая-рыжая, как зимний беличий хвост... У кого же это поднялась рука обкорнать такую красу?!

– Ну, будет уже, – Кудеславовы руки помимо хозяйской воли принялись успокаивать, гладить эту безжалостно остриженную голову; спину, вздрагивающую от судорожных рыданий. – Одна в лес сунуться не побоялась, а теперь... Поздно уже бояться, слышишь? Некого уже стало бояться! Вот ведь глупая...

Векша вдруг с силой оттолкнулась от него, суетливым движением попыталась запахнуть на груди полушубок (хотя вовсе не он приоткрыл девичью тайну). Мечник с легкой насмешкой глянул в заплаканную синеву Векшиных глаз, повторил тихонько:

– Вот глупая... – и вдруг посерьезнел. – Ты уж извиняй за тот удар – ну, рогатиной, во дворе. Я же еще не знал...

Векша подалась навстречу и легонько потерлась щекой о Мечникову ладонь. Но длилось это не более мига. Девушка внезапно прынула, вскочила; и сам Кудеслав тоже вскочил, круто разворачиваясь и выдергивая из-за голенища нож. Потому что от безжизненной медвежьей туши отчетливо донеслось этакое ехидное покашливание.

Кашлял, конечно же, не медведь. Возле мертвого зверя стоял боги знают как очутившийся здесь волхв. Вместо привычного посоха в руках у него был лук – огромный, длиной почти в Кудеславов рост; из-за пояса хранильника торчали две стрелы, от наконечника до оперенья словно бы вымаранные сохлой кровью (от вида этих стрел Мечника передёрнуло).

С нарочитым вниманием Белоконь поглядывал то на нож, стиснутый в руке Кудеслава, то поверх Кудеслава плеча, и в черных глазах старика Мечник высмотрел нечто мало приятное для себя и для Векши. Однако лицо хранильника выражало лишь добродушную насмешку; эта же незлая насмешливость зазвучала и в голосе волхва, когда он, наконец, решил поломать затянувшуюся молчанку:

– Ты что же, мил-друг, никак резать меня собрался? Уж не из-за той ли причины, которая у тебя за спиною носом пошмыгивает?

Кудеслав поспешно нагнулся, засовывая нож туда, где ему надлежало быть. Оторопь, вызванная внезапным появлением хранильника, проходила, и Мечнику уже с трудом верилось в недоброжелательность, якобы распознанную им в волховском взгляде. С чего бы это Белоконю быть недовольным? Ну, утешил да приласкал Кудеслав полуживую от страха купленницу своего друга (кстати сказать, купленницу эту Мечник наверняка зря вздумал про себя называть девушкой)... По-братски ведь успокоил, без малейшего оскорбления для хозяйской чести. Не мог же волхв разгадать его непрошенные подспудные помыслы! Или мог? А если мог, то наверняка разгадал и ту решительность, с которой Кудеслав эти самые помыслы выгнал из головы. Раз и навсегда выгнал... кажется.

Тем временем хранильник, отвернувшись от Мечника с Векшей, принялся внимательно разглядывать мертвого людоеда. Кудеслав подошел, встал рядом, и волхв сказал, не отрывая взгляда от обезображенной медвежьей головы:

– Похоже, его когда-то лось копытами истолок.

– Жаль, не до смерти, – буркнул Мечник.

– Жаль, – кивнул Белоконь.

Он обернулся к Кудеславу и сказал, глядя ему в глаза:

– А ты хорош с мечом. Я видел – и там, на подворье, и здесь... Лучше тебя никто бы не сделал.

– Ты, что ли, за нею сюда?.. – Мечник кивнул на Векшу.

Хранильник тихонько рассмеялся:

– Нет, за тобой. Шагах в десяти держался, а ты и не замечал. Воин...

– Он и на подворье поблизости от тебя был с луком своим, – подала голос Векша (купленница так и не двинулась с места; понуро стояла там, где застигло их с Кудеславом хихиканье волхва). – Я пыталась сказать, а ты: "Цыц!.."

Мечник ошарашенно уставился на Белоконя.

– Как же?.. Ты же говорил, что нельзя тебе его убивать!

– Ну, говорил, – хмыкнул волхв. – Мало ли как все могло обернуться... Думаешь, мог я в избе высидеть зная, что подвел тебя под гибельную угрозу?

Он выждал немного, рассматривая выражение Кудеславова лица, потом пробурчал:

– То-то! И пойдете-ка домой.

Мечник до крови закусил губу. Стало быть, старик все время был рядом, и, ежели что, без колебания пожертвовал бы ради тебя сыновой жизнью, благорасположением богов, еще невесть чем... А ты... А что ты?! Да ничего! Ни в чем нет твоей вины перед ним! Подумаешь, купленницу по волосам погладил – разве это вина? А мысли – они мысли и есть, не больше. Так что можно прямо и честно глядеть старику в глаза.

Кудеслав потупился и вымолвил, глядя на носки своих сапог:

– Я пока не пойду. Меч не могу оставить – он там, под медведем. Попробую выдостать. И тушу бы освежевать, покуда не захолодела...

– Да нешто ты в одиночку... – волхв вдруг осекся и помрачнел. – Ладно. Сыны вернутся – пришлю тебе на подмогу. Сам бы пособил, да не гоже мне все-таки касаться его. И ты, кажется, не больно-то хочешь от меня пособия.

Опираясь на лук, как на посох, он двинулся вниз по склону. Поравнявшись с Векшей, хмуро бросил: "Пошли уж!" Та было шагнула следом, но вдруг замерла, прикипев взглядом к пальцам свободной от лука волховской руки. Словно бы спиною увидав эту заминку, хранильник приостановился, зыркнул через плечо:

– Ну, чего встала?

– Я... – Векша облизнула губы, вздохнула, будто перед прыжком в холодную воду. – Можно, я с ним останусь, помогу?

Белоконь медленно обернулся.

– Думаешь, ему от твоей помощи выйдет хоть какой-нибудь прок?

Купленница молчала, по-прежнему не отрывая глаз от старческих пальцев и от чего-то в них. Кудеслав собрался было сказать, что ему Векшина помощь выйдет хуже злодейской помехи, но не успел. Волхв вдруг как-то сник, словно бы сделался ниже ростом и уже в плечах.

– Ладно, – почти прошептал он. – Все верно. Судьбу не обманешь.

На шести шагах трудно разглядеть маленькую вещицу, почти целиком спрятавшуюся в темной ухватистой пятерне. Да Мечник и не шибко приглядывался, что там волхв вертит в руке – просто надо же было куда-нибудь смотреть, чтоб не встретиться глазами со стариком! Показалось ли Кудеславу, что это сушенная лягушачья лапка? Наверное, показалось: нынче хранильнику вроде бы совсем ни к чему таскать при себе простенький детский оберег от судорог.

А вот причину стариковского огорчения Мечник наверняка понял правильно. Векшина нелепая просьба позволить остаться могла означать что угодно, но волхв умеет видеть куда глубже и дальше прочих людей. И будущее предугадывать он тоже умеет. Чужое будущее. Свою же судьбу не дано предвидеть даже самым могучим кудесникам-ведунам.

Потом волхв уходил – ссутуленный, неторопливый, усталый. Кудеслав раздраженно мял-тербил бородку, провожая взглядом мелькающую в просветах между деревьями дряхлую (да-

да, именно дряхлую!) фигуру. Векша тоже глядела вслед Белоконю. Долго глядела – пока хранильник окончательно не скрылся из глаз. А потом внезапно заплакала вголос и так стремительно кинулась к Мечнику, что тот даже отшатнулся сперва: воину показалось, будто скрюченные тонкие пальцы тянутся к его горлу.

Но это лишь показалось. Едва не сбив Кудеслава с ног, Векша всем телом грянулась о него, втиснулась мокрым лицом во влажный мех полушубка. Вконец обалдевший Мечник (не многовато ли разного-всякого для одного утра – особенно после двух бессонных ночей?!) не нашел силы оттолкнуть, высвободиться из этих судорожных объятий. Да что уж перед собственной душой лукавить – решимости он в себе не нашел! А когда, наконец, опамятовал, было поздно.

Потому, что сквозь горестные рыдания удалось-таки ему разобрать невнятное захлебывающееся бормотанье.

...Он первым говорил с ней по-людски. Рывкал, цыкал, чуть дух из нее не вышиб дrevком рогатины; а волхв, конечно, хороший, ласковый, от сынка своего уберег да защищал от старой коряги... Но не волхв – Мечник первым повел себя не как с купленную забавкой. Пускай и по незнанию, но первым был он...

...До чего же радовались старики приильменской общины, когда узнали, что Горюте-отщепенцу не хватает достатка для покрытия виры! Сказали: можно назначить тебе смерть за смерть, или жизнь за жизнь – так по обычаю. Но можно и вот как присудить: кровь за кровь. Она ведь разной бывает, кровь-то: бывает последняя, а бывает и первая... Вот и пускай дочка твоя, услада да прокормилица отеческая, мастерица-умелица отстрадается за дурную родительскую гневливость: жизнью – за жизнь убиенного тобою гостя; а за его последнюю кровушку – своей первой кровью...

...Отплатила, и не только кровью. Кровь – это лишь когда первый раз, а разов-то было неслучайно. Уж очень гоноровитые попадались владельцы преданной сородичами забавке – гоноровитые, кичливые, с широкой душой. Хвалясь, показывали другим, упивались алчными взглядами да завистливым причмокиванием; сами пользовались красной вещицей, но по сердечной щедрости и друзьям-знакомцам отказывали не всегда и не всем... А потом повторялось все то же успешнее приестся действие: оглядывания, ощупывание, озабоченные лица, размашистое хлопанье одна о другую широких мужских ладоней, невесомый шорох отсчитываемых мехов... И снова – как с теми, прежними...

...Хуже стало с хазарами, из которых лишь один знал словенскую молвь, а хозяевами считали себя едва ли не все. Днем переходы по изнывающим от комариного звона осенним чащам, а ночами... Ночи лучше не вспоминать. Еще хуже пришлось с молодым Белоконевым пащенком, выплакавшим ее у хазар за краденное отцово достояние. Чуть не изувечил от жадности да по незнанию; потом без малого уморил, страхась, что родитель, дознавшись, вряд ли помилует самовольника...

...Но хуже всего было с волхвом. Именно с ним она окончательно поняла, что весь оставшийся век ей доживать безродной скотиной, которую пестуют – пока молода да пригожа; кормят – пока работой оправдывает съеденный кусок... Краса увянет быстрее быстрого; с годами пальцы утратят сноровку; глаза растеряют необходимую для ремесла зоркость, и – вот оно: никому не нужная старуха среди вовсе чужих людей. Под ласковостью хранильника крылась железная лапа, которая давила и гнула, сообразуясь только с хозяйскими нуждами. Во сто крат тяжелее было от неискренней доброты – уж лучше с бранью да тумакками, чем этак... Что только хотел, то и вытворял с ней властный старик.

И косу вот обкорнал... Такая коса была! Даже хазары не тронули, хоть и сокрушались, что цветом она для их глаз не шибко приятна. А этот...

Векша все бормотала, все плакала, будто бы не оконцами небесной безоблачной синевы были ее глаза, а неиссякаемыми родничками. Так и стоял Кудеслав дубина дубиной, не зная как унять эти рыдания, как утешить и нужно ли ее утешать.

Мечнику и самому было несладко. После великой удачи (ведь и впрямь мало кто сумел бы этак споро и безвредно для себя уgomонить лесное чудовище!) гадюка-судьба подсунула под ногу склизкое.

Нет, не позволит Мечнику совесть обокрасть хранильника. Ни Белоконева купленнице, ни Кудеславу нынешнее утро не сулит никаких находок. А вот потери...

Был у Мечника друг – один-единственный, зато какой!

Был.

Отныне не будет. Придется теперь дружбу рвать по живому, чтобы хоть вспоминалась она добром.

Говорят, у всех баб на такое глаз куда как остер, да только Векша то ли слепенькой уродилась, то ли вовсе глупа. Старая Белокониха разглядела, даже Кудеслав догадался, а эта, с осени у хранильника проживая, так и не поняла: впрямь ведь старик разум от нее потерял.

И Мечник бы мог потерять. Верно, потому-то до сих пор нет у него жены, что и в своих, и в дальних пройденных землях надеялся он отыскать именно такую, как Векша.

Вот и отыскал себе на беду.

Слышишь, ты, приильменская наузница-чаровница? Вовсе ничего путного не найти нам с тобою нынешним светлым утром.

Но на хранильников двор Мечник Кудеслав больше и ногою не ступит. Дружеская-то верность крепка, только лучше не испытывать ее крепость этаким вот рыжим соблазном.

* * *

– Никак, уже восвоися ладишься, друг душевный? – за ехидством Белоконева взгляда могло крыться все, что угодно. – А почеломкаться на прощание со стариком, поклониться ему за приют да ласку – запамятовал? Или недосуг тебе, спешные дела заждались?

Кудеслав так и замер – одна нога в стремени, другая на земле. Белоконь, всей грудью навалившись на посох, с неподдельным интересом следил за изменениями краснеющего Мечникова лица.

– Ну, ты уж решай: или в седло, или обратно на землю-матушку. А то неудобно, поди, этаким раскорякой...

Волхв отер ладонью глаза, стирая с них насмешливое лукавство; заговорил по-иному, серьезно:

– Впрямь, остался бы – чай, есть о чем рассказать и тебе, и мне.

Кудеслав послушно выпростал ногу из стремени, отпустил коня – тот бесцельно побрел по двору, время от времени лениво подбирая с утоптанной земли какую-то казавшуюся ему съедобной всячину.

– За насмешку прости – по-доброму я, не со зла же, – Белоконь снова будто смахнул что-то с глаз. – Это я тебе должен бы в пояс кланяться за людоеда, а не ты мне за ласку, которой не было... Или была? – прищурился он вдруг. – Векша-то долгонько оставалась с тобою. Может, уж вперед моего успела за все отблагодарить – да так, что мне бы сейчас впору требовать с тебя лихву?

Волхв сказал это негромко, с вроде бы вполне дружескою ехидцей, но Кудеславу почему-то вдруг припомнилось испуганно-свирепое "Кто?!", медвежьим ревом плеснувшее из Белоконевой глотки тогда, давно, в святилище ржавого небесного камня.

А хранильник коротко оглянулся, поманил так и не успевшего заговорить Мечника к боги знают когда брошенному возле дворовой огорожи корявому ошкуренному бревну:

– Пойдем-ка присядем. Речи предстоят долгие, а в ногах правды нет.

Кудеслав послушно двинулся следом.

Речи, поди, предстояли не только долгие, а и злые. Старику было от чего злобиться. Его купленница и впрямь долгонько оставалась наедине с Мечником – почти до полудня, когда пришли помогать свежевать медведя воротившиеся Белоконевы сыновья. Плакать к тому времени она перестала, от Кудеславовой груди давно уже отлепилась – просто стояла неподалеку, глядя то вбок, то на вершины деревьев (куда угодно, лишь бы не на него). Только когда в лощине послышались голоса да объявились людские фигуры, Векша вдруг сказала негромко и торопливо:

– Век бы тебя, облома, не видеть! Ведь притерпелась было уже к доле своей, покорилась – нет же, сызнова все кувырком...

Сказала, и ушла – склоном, чтоб не встретиться с подходившими.

Кудеслав немногим дольше ее задержался возле людоедовой туши. Наскоро обтер вызволенный меч сперва о медвежью шерсть, потом – медвежьим же салом; отмахнулся от подобострастного аханья хранильниковых сыновей и заторопился прочь до того поспешно, что даже рогатину забыл – вспомнил о ней лишь покорно усаживаясь рядом с Белоконем (ну вот, теперь еще от Велимира на орехи достанется: шкуру не взял, оружие не сберег... одно слово – урман железноголовой!).

Очень хотелось Мечнику уехать, не видясь с волхвом. Татем украдливый проскользнул через двор, торопливо оседлал да вывел коня... Ан углядел же хранильник, в самый последний миг завернул. Ведун старый... Ишь, зыркает, будто ворон на разлитое варево: лакомо, а не склонешь...

– Ну, так что же? – с прежним ехидством подначил Белоконь, выждав, пока Мечник усядется. – Векша-то хорошо ли тебя отблагодарила? Уж скажи...

– Да холодновато еще, чтобы прямо в лесу, на сырой земле, заниматься такими благодарностями, – попробовал отшутиться Кудеслав.

Волхв прищурился:

– Не скажи! Дело-то жаркое, за ним и в настоящую стужу не вдруг озябнешь!

– Жаркое, да не настолько.

– А тебе, неженатому, откуда может быть ведомо настолько или не настолько? – вновь прищурился Белоконь.

– Чтоб такое изведать, собственную жену иметь не обязательно – на крайний случай и чужая стодится... – Мечник прикусил язык, но глупые слова уже сорвались. Дошутился.

Волхв вдруг захохотал, да так раскатисто, что бродивший по двору конь прынул и оглянулся.

– Вот теперь вижу, что ничего для меня огорчительного меж вами не случилось, – с трудом выговорил хранильник, утирая слезы. – Не то бы ты, чем подобное ляпнуть, скорей вот это бревно проглотил!

Отсмеявшись, Белоконь посерьезнел:

– Шутки шутками, а только не хочу, чтобы это впредь между нами стояло. Вот слушай: нынче ночью я тебе о Векше и о замыслах своих рассказывал почти так, как оно все на самом деле. Почти, да не совсем. Думалось мне, будто если бы у нее родился от меня сын, то уж он-то... У нее ведь и впрямь немалая ведовская сила. У нее да у меня... Удайся сын хоть в мать, хоть в отца, хоть в обоих родителей разом – все едино был бы ведун. Вот из него-то я и воспитал бы себе...

– Так как же ты не побоялся гнать ее в лес на ночь глядя? И зачем мальцом вырядил?

– Погнал потому, что больше гнать было некого, – развел руками хранильник. – Мужиков не хватило; моих же тух на такое и упряжкой не сдвинешь. А мальцом обрядил от страха. Ну, чего смотришь? На мне, чай, узоры не намалеваны.

– Это кого же ты убоялся? – еле сумел выговорить ошарашенный Кудеслав.

Белоконь криво усмехнулся:

– Кого? А ты сядь покрепче да еще руками ухватись за колоду, тогда скажу... – он глубоко вздохнул, и вдруг брякнул чуть ли не зажмурясь:

– Тебя!

Пожалуй, Мечник бы все-таки не упал, даже если бы по Белоконову совету не ухватился за бревно руками. Но ждал он чего угодно, кроме того, что довелось услышать. А волхв продолжал:

– Свою-то долю предугадывать мне не дано, а вот Векшину я доподлинно вызнал. И твою тоже. Не минуть вам с нею друг друга, никак не минуть. А я, дурень старый... Веришь ли, до того она меня раззадорила – пытался судьбу обмануть, отвести тебе глаза от нее. Как твой приезд, я ее в амбаре прятал, или еще где придется... А она все равно тебя как-то высмотрела, исхитрилась-таки... Ведь нешто с долей поспоришь? Доля – она все по-своему ломит, да как! Чем сильнее противишься, тем больней, с костяным хрустом, с кровушкой... Людоед, верно, и впрямь послан мне в наказание. Заставила-таки судьба меня, строптивца, тебя да Векшу свести. Ценой сынова увечья заставила. Так что теперь уже вижу: никак по-моему не бывать. А и пускай себе, – махнул он вдруг рукой с деланой беспечностью. – И так от нее одно беспокойство. С тобой вот друг на друга было стали косо глядеть... Бабы мои вообразили, что молодая да любая непременно свой порядок в избе заведет, над ними поднимется – особенно ежели родит-таки мне сына...

Хранильник вдруг трескуче хлопнул Кудеслава по плечу:

– Забирай купленную, слышишь? Дарю! Только... – глаза Белоконя заискрились вдруг хитрой усмешкой. – Только есть у меня такое условие: чтобы жить вам не у Велимира, а здесь. Понял? Иначе не отдам. Вот и думай, торопить не стану. Но чтоб сына-первенца – мне в воспитание! Оно, поди, и так не худо получится: от молодого отца дети куда крепче будут, чем от меня, сыча старого. А ведовской силой и ты не обижен.

Кудеслав молча глядел на него. А что говорить? Жалко старика, но вслух ему такого не скажешь.

Белоконь тем временем перевел дух, расправил усы и вдруг захихикал:

– Ее ведь не я у хазар купил. Знаешь, кто? Ах, знаешь... Вот же недоперок желторотый – задумал родителя провести! Он ее на болотном островке в шалаше прятал. Что ни день – исчезать повадился, еду куда-то таскает... Думал, никто не видит! Ну, я молчу, жду, что будет дальше. А он... Те, кто бывали с ней прежде, умели обойтись без лишних хлопот, а этот чуть было не обрюхатил. Ну, известное дело: холод, проголодь, болотная сырость, страх по ночам – одним словом, сорвалось у нее. Он дня два-три молчал (видать, надеялся, что как-нибудь сама оклемается), а потом приходит ко мне и начинает: "Вот ежели бы у бабы такая да такая хворь приключилась, и ежели бы тебе из такой бабы пришлось такую хворь изгонять, так как бы ты..." Ну, я, не дослушавши, за ухо его: "Веди, говорю, щучий сын, показывай!" На день бы позже тогда подоспел, и не видать тебе этой рыжей...

Он замолчал.

Кудеслав тоже помалкивал, грызя губы. Чувствовал он, что все эти разговоры о преемнике, которому бы не страшно верить святилище... конечно, они наверняка правдивы, но... Вот теперь-то Мечник чувствовал себя злодеем, обокравшим лучшего друга, почти отца. Мало ли что там на роду написано! Оторвать от сердца последнюю свою, может быть, самую крепкую любовь; со смешками да прибаутками (это когда душа, поди, волком воет!) отдать ее другому и взамен потребовать лишь, чтоб позволили воспитывать сына, отцом которого мечтал бы сделаться сам... Предложить собственный кров ухитителю своей любви, чтоб было ему где тешиться добычей...

Прежде Кудеслав смел почитать хранильщика другом-приятелем, смел мнить себя едва ли не равным. А теперь... Миг назад старец, сам того не ведая, совершил великое ведовство: несколько деланно усмешливых слов, и Мечник предался ему душою и телом – беззаветно и навсегда. То, что во время схватки с людоедом Белоконь был готов в любое мгновение придти на помощь другу, рискуя навлечь на себя и своих неискупимое проклятье богов – это не шибко-то проняло Кудеслава: на месте волхва он поступил бы так же. Но вот решиться на что-либо равное нынешнему Белоконеву подарку... Нет, не осмелился Мечник спросить себя: "А ты? Даже зная, что поперек судьбы не проломишься – смог бы?"

Так что скажи нынче волхв: "Ну-ка, друг душевный, развали головою вон тот дубок!" – Кудеслав, пожалуй, задумался бы лишь на миг (и то над тем, с разбегу ли надо биться о дерево, либо в прыжке).

Мечник и сам еще не почувствовал, что ощущение нечаянной виноватости крепче прежнего и по-иному, чем прежде, связало его со старым хранильщиком. Он лишь одно понял: постылое, однако привычное холостяцкое да неприкаянное житье круто ломается. Понял, и внезапно испугался этой перемены. Но выдать свой испуг хоть Белоконю, хоть кому еще – это уж и впрямь лучше головою о дуб. С разбегу. Либо в прыжке.

– Ну, поговорили и будет, – волхв тяжело поднялся. – Еще раз благодарствую тебе, что отмстил за две жизни людские да за Гордеево увечье.

Он низко – в пояс – поклонился Кудеславу. Тот поспешно вскочил и хотел было отдать поклон, но хранильщик помешал, коснувшись кончиками пальцев его лба:

– А тебе меня благодарить не за что. Кабы не дурость моя, так, может, и не пришлось бы тебе с людоедом-то... Что же до Векши – сам теперь понимаешь: была б на то моя воля, не видать бы вам друг друга, как собственных спин. Да может еще и проклянешь не раз меня, старика, за подобный подарочек. Норов-то у нее – ой-ей-ей!

Белоконь отвернулся, зашагал к избе, и Мечник поспешил следом.

– А коня расседлай покуда, – говорил волхв на ходу. – Сейчас поедим, да вместе и отправимся: у меня к Яромиру дело. Шкуру людоедову с собой повезешь – в отдарок названому отцу за рогатину... Милонегга сейчас к сынам моим лошадь погонит – у них уговорено – так я ей накажу проследить, чтоб они и Велимирово оружие прихватили; ты-то, вижу, в спешке забыл, а они могут вообразить, будто так и надо. О чем я?... Да, значит в град вместе поедим. Ну, и Векшу с собой возьмем.

– Векшу-то зачем? – спросил Кудеслав. – Ей бы спать, ведь две ночи на ногах промаялась.

– Ей тут без меня все едино покою не дадут, заедят. Ничего, у старейшины вашего ото-спится.

Уже готовясь ступить через порог избы, Белоконь сказал:

– Коли будет на то твоя воля, хоть завтра же отпрошу тебя к себе и у Яромира, и у Лисовина. А об отцовом очаге не сокрушайся: камень из него вывернешь да с собой привезешь – то и ладно.

4

Давненько уже не приходилось Кудеславу столько тесать языком – почитай, с тех пор, как воротился из своего бродяжничания по чужедальним краям. Тогда многое пришлось рассказать сородичам – и в общинной избе, перед очами старейшины да наиболее чтимых родовичей; и во всяких других избах (наперебой зазывали, чуть ли не дрались за то, чей нынешним вечером приходит черед принимать его у себя).

Люди, большинству из которых путь на Торжище казался невесть каким дальним странствием, забывали дышать, слушая невероятные сказки о разных языках, живущих вдоль реки Волглы; о сумрачной земле драчливых урманов; о теплом море, по берегам которого обитают поклоняющиеся неугасимому пламени персы-мидийцы; о других теплых морях, которых и сам Кудеслав не видел, зато слышал про них много чего от своих скандийских знакомцев...

И сотой доли не было рассказано из того, о чем можно было бы рассказать. Но не потому, что рассказы наскучили слушателям – это самому Кудеславу довольно быстро наскучило быть рассказчиком. Отчасти из-за бессилия передать словами виданное и пережитое; отчасти потому, что нередко его понимали странно или не понимали вообще. А главное – ведь не ради же распахнутых от удивления ртов сородичей поддался Мечник на уговоры урманских торговцев-воителей! Не ради удивления родовичей, не ради добычи, не ради возможности вдоволь наиграться оружием в неведомых дальних краях и даже не ради возможности эти самые края повидать. А ради чего? Если бы кто дознался, что Кудеслав по сию пору так и не успел найти ответ на этот вопрос – вовсе пустоголовым прослыл бы в общине Мечник, обижающийся на прозвание Урман.

Рассказы ему опостытели, а потому стали неинтересными. К тому же старики принялись ворчать, что Кудеслав дурит головы желторотым юнцам, что этак все по дальним землям поразбегаются, а община оскудеет людьми да вымрет... Поток приглашений пошел на убыль.

Последних, самых прилипчивых Велимир живо отвалил от своего двора, за что Мечник был несказанно благодарен своему названному отцу. Года не прошло, как Кудеславу перестали заглядывать в рот – вместо этого стали шушукаться за спиной. Дескать, непоседливый человек, ненадежный. В отцовской избе живет, ровно из милости принятый захребетник; дрова вместо топора мечом колет; охотник неважный; до первой седины дожил неженатым... Одно слово – Урман.

И вот нынче затеялось, будто в те, прежние времена. Спасибо, хоть дали выспаться за обе бессонные ночи.

И Велимиру спасибо.

Когда Кудеслав, распрощавшись на ночь с Белоконем и Векшей, ввел коня в Велимиров дворик, на град уже навалилась густая темень. Мгновенье-другое Мечник промешкал, бездумно вслушиваясь в удаляющийся копытный топот (по вобщем-то понятным причинам хранильщик желал ночевать непременно у старейшины, хоть у того не просторней многих, а уж волхва-то с радостью примут в любой избе, пожелай он хоть до крепкого тепла поселиться).

Наконец Мечник встряхнулся и взялся было расседлывать заморенного коня, но тут с протяжной заунывной жалобой распахнулась избяная дверь и на пороге появился сонно помаргивающий Велимир – в сапогах, в накиннутом на голое тело полушубке (это то есть в одних только сапогах да полушубке) и с лучиной в руке.

– Живой, что ли? – позевывая, спросил Лисовин.

– Живой, – буркнул Кудеслав, безуспешно пытаясь справиться с супонью-подпругой: совершенно одуревший от усталости конь вздумал себе же во вред надувать брюхо.

– Совладал, значит? – Дождавшись Мечникова кивка, Велимир подошел, наскоро оглядел коня, потом тронул названного сына за плечо. – Иди в избу, я сам.

Кудеслав охотно подчинился, лишь предложил:

– Давай хоть выюк занесу.

– Иди-иди, – Велимир слегка подтолкнул Мечника к двери, но все же не удержался, спросил:

– А что за выюк?

– Шкура.

– Хорошая?

– Да леший ее разберет, я и не присматривался, – Кудеслав еле ворочал языком; только теперь он вдруг осознал, до чего вымотали его бессонница, схватка и душевные переживания. – Большая она, шкура-то. Матерущий был – я таких не видывал.

– Большая – это хорошо... – удовлетворенно пробурчал Велимир, и вдруг спохватился:

– Сам-то ты целый?

– Целый.

– А хранильничков?

– Кроме Гордея и захребетников – целы.

– А Гордей что – помер-таки?

– Нет, – Мечник с трудом подавил зевок (не к месту такое, когда речь идет о несчастье человеческого). – Белоконь говорит: выживет.

– Ну и ладно, – Велимир отвернулся к коню. – Иди-иди, я и выюк сам. Есть хочешь? Там бабы в углях горшок томиться оставили. Захочешь – похлебай. А как взял-то?

– Мечом, – терпеливо сказал Кудеслав, захваченный этим вопросом уже на пороге.

– Не пригодилась, значит, моя рогатина... Ну, иди. Завтра расскажешь.

Захоти Кудеслав отвесть-таки предложенного варева, не смог бы: даже на это малое дело сил не осталось. Кое-как добравшись до своего закутка (в избе будто в десятеро больше против обычного стало углов, простенков да всяких спотыкательных препон), Мечник так и рухнул на ложе, словно крепкой дубиной оглушенный – не раздеваясь, даже полог за собой не задернув.

Во сне Кудеславу вновь пришлось раз за разом схватываться с людоедом. Все было, как было, только перед самым медвежьим наскоком меч внезапно оборачивался то хворостиной, то Векшиной косой.

Потом вдруг приснилось, будто сам Кудеслав, Велимир и все Велимировы, натужно кряхтя и тихонько переругиваясь, ошкуривают тяжкую суковатую колоду, причем Лисовин шипит непонятно: "Будет вам ворочать да дергать! Чай, не колода – живой человек!". И впрямь, под отставшим пластом корья вместо голого дерева Мечнику неожиданно открылось свое же собственное лицо.

А потом все провалилось в глухую, лишенную видений черноту.

Проснулся он от близкой мужской перебранки. Ругались Велимир и кто-то, чей голос показался знакомым, но сразу не распознал. Этот кто-то бубнил, что все старики собрались и просят, и Яромир просит, и Белоконь-хранильничек – нельзя же такое общество обидеть отказом! Свиристый полусшепот Лисовина разобрать было труднее. Чувствовалось только, что названный Кудеславов родитель именно и собирается обидеть помянутое общество, в чем-то этому самому обществу отказав.

В конце концов растерявший терпение Велимир весьма явственно прирявкнул: "Очнется – пошлю, а будить не дам! Выдь на двор!", и Мечник проснулся окончательно.

Проморгавшись сквозь остатки сна, он обнаружил, что раздет и прямо-таки завален меховыми покрывалами. Вот, стало быть, из-за чего привиделась нелепица про ошкуриваемую колоду! А ведь, пожалуй, следует поблагодарить убиенного людоеда – Лисовин-то вроде подобрел к приемышу. Конечно, "подобрел" – слово неправильное: Велимир и прежде держался с

Кудеславом не хуже, чем со своими сынами. Но выискивать правильные слова не было ни сил, ни желания.

Аккуратно сложенные штаны и кожаная рубаха лежали на полу возле изголовья. Кудеслав выбарахтался из-под мехов и принялся одеваться. Тут же слегка отдернулся полог и в образовавшийся между стеной и занавесью просвет всунулось сердитое лицо Велимира.

– Разбудил-таки, пень трухлявый! – Лисовин яростно погрозил кулаком не то затянутому скобленной кожей оконцу, не то кому-то, за ним находящемуся.

– Кто это? – осведомился Мечник, завязывая ворот рубахи.

Велимир скривился – небось, и сплюнул бы, кабы под ногами был не собственный пол.

– Да Глуздырь, чтоб ему до погибели добра не видать! Ты слышь, ты его непременно огрей чем-нибудь. Я ему: "После этаких трудов не то что до вечера – до следующего утра проспать, и то мало", а он знай свое. Совсем стыда лишился, жабоед старый.

– Сам ты обесстыдел, охульник! – донеслось со двора. – Сказано же – общество ждет!

– А я вот сей же миг пойду к Яромиру, да спрошу, как он тебе велел: будить, или дожидаться, покуда сам?! – заорал Велимир в слепую перепонку окна. – И ежели он скажет, что велел ждать, так ворочусь и кобелей на тебя науськаю!

– Ну и не станет у тебя кобелей! – прокричали снаружи запальчиво, однако куда глуше, чем прежде (похоже, Глуздырь, до того сидевший под самой стеной избы, счел за благо уметнуться к плетню).

Кудеслав справился, наконец, с тесемками ворота и отдернул полог.

– Ладно тебе шуметь, – сказал он Велимиру. – Ну разбудил и разбудил. Где ждут-то? У старейшины?

– У него. Я тоже с тобой – он и меня звал. Или, может, сперва поешь?

– Дурень ты, – подал голос Глуздырь. – Что ли там не покормят? Там, небось, угощение крат во надцать твоего лучше!

Издав некий звук, явственно напомнивший Кудеславу рычание нападающего людоеда, Велимир кинулся вон из избы. Но когда он выскочил наружу, двор и улица были пусты – лишь слышалось, как на пути от Велимирова жилья к чельной площади собаки взирают по пробегающему человеку.

* * *

Общество впрямь подобралось из тех, какие не часто сходятся даже в общинной избе. Наиболее чтимые старики и самые добычливые добытчики – всего человек десять, не считая Мечника с его названным родителем, волхва да самого Яромира. Меж другими Кудеслав приметил наиумелейших бортников Кошицу и Малоту; бобролова Божена; углежога-дегтярника Шалая – огромного, косматого, с лицом, навсегда порченным неотмываемо вьевшейся копотью...

Узорочье общины, ее оплот и надежда. Прокормильцы. Мудрецы.

Головы.

Длинный скобленный стол, стоявший обычно под дальней от входа стеной, был выдвинут поперек избы, так что половина гостей разместилась на полотах, а другая, рассевшись на длинной лавке, грела спины в тепле неугасимого Родового Огнища.

Окна по позднему вечернему времени были уже плотно затворены ставнями, а все же гуд многоголосых бесед, кашель, похохатывание да стук глиняной и деревянной посуды явственно слышались даже на десяти шагах от крыльца. Однако стоило только Велимиру толкнуть скрипучую входную дверь, как внутри мгновенно сделалось тихо.

В полном молчании дожидались Яромировы гости, пока новые пришлые скинут в сенях обувь и верхнюю одежду; пока, войдя в избу, воздадут Навым, после – поздравляются с людьми, и поднявшийся навстречу хозяин ответит за всех.

И вновь загомонили, заворочались гости. Быстро освободились два места: для Велимира – по левую руку от старейшины, сидевшего на чельном конце стола; для Мечника – справа от волхва, который, как почетнейший из гостей, был устроен по правую хозяйскую руку.

Усевшись, Кудеслав быстро (однако же не выказывая особого любопытства) оглядел собравшихся, и вдруг оторопел – узнал-таки, наконец, хмурого старика, сидевшего напротив Яромира. Может, сразу узнать его помешали самодовольные мысли (тут возгордишься, если в таком обществе посадили столь близко от хозяина!), да и в лицо приходилось видать этого старца всего два раза – его, сказывают, и в собственной слободе даже ближние подручные не каждый день видят. Но уже то, как едва ли не по-сыновьи взглядывал на занятого старика примостившийся рядом с ним Шалай-углежог, следовало бы с первого взгляда понять: нынче содеялось почти небывалое. В град самолично припожаловал староста кузнецов Зван Огнелюб.

Что там Шалаевы взгляды – Зван выдавал себя уже хотя бы местом, на котором сидел. Место вроде и не почетное, но... Это лишь со стороны сразу видать, какой конец стола красный, хозяйский. А вот присев к самому столу, да еще пригубив хмельного, можно, пожалуй, забыться и ненароком перепутать...

Да, видать кузнеческого старосту так вот, накоротко, лицом к лицу Мечнику приходилось лишь дважды. Причём один из этих двух разов – первый – был, пожалуй, куда странней нынешнего Званова появления в общинной избе.

* * *

Это случилось в запрошлом году, в тогдашнюю Весёлую Ночь.

То есть ночь та была весёлой для всех родовичей, кроме одного Кудеслава: из-за Яромира пришлось ему вместо веселья бродить по лесу угрюмым железноголовым страшилом.

Впрочем, нет, неправда. Даже не будь на то старейшинского наказа, Мечник и сам, добродотливо навязался бы в пастухи-охоронщики при сородичах, ополоумевших от сладких жертвенных игр.

Потому, что едва ль три десятка дней успело минуть с тех пор, как удалось окоротить задиристых соседей-мокшан, и они, могло стать, ещё не научились быть окороченными.

Потому, что очень уж соблазнительно было бы напасть на вятчский род именно той ночью, когда родовичи, утратив рассудок, носились по лесу – одни (одетые) в дурных поисках небывальщины, другие (из одёжи имеющие на себе только венки) в поисках шалого мимолётного счастья, угодного в жертву страстелюбивому богу Купале.

У мордвы, кажется, тоже празднуют эту суматошную ночь, но кто знает, на что может решиться мордва и какие жертвы приятней её мордовским богам?!

Ну, а решишь-таки мокшане напасть, что смог бы Кудеслав водиночку? "Что? Полно-те! Уж хоть что-нибудь он да сможет," – это Яромир с вечера так успокаивал опасаящихся общинников.

...Кудеслав довольно-таки далеко ушел от градской поляны, но никого, кроме соплеменников, встретить ему не пришлось. Да и соплеменники уже изрядное время как перестали встречаться: ночью (хоть даже и Купаловой) без серьёзной надобности вряд ли кто-нибудь отважился бы забраться в настоящую крепкую чашу.

Мечник немного постоял, приваясь к замшелому древесному стволу; послушал слабые, но явственные отзвуки пения, гомона и многоголосого весёлого визга – всё это несло от речного берега, где ещё с вечера полыхали громадные очистительные костры. И только-только успел Кудеслав подумать, что кабы мордва впрямь замыслила нападать, так давно б уже...

Нет, Кудеславовы ленивые рассуждения не успели домусолиться до более ли менее связанного окончания.

Потому что в праздничные отголоски вплелось новое. В той же стороне, но гораздо ближе кто-то подавился надсадным сорванным воплем, и вопль этот мгновенно смяло, забило стремительное топотанье – дробное, слишком уж частящее как для одной пары ног.

Конечно, тёртый да опытный воин по прозванию Урман просто-таки обязан был на слух разгадать затеявшееся. Он и разгадал. С полувзвук. Мгновенно – и всё же долею мига позже, чем вдруг осознал себя бегущим встречь близящемуся шуму.

Не успел Мечник пробежать и двух десятков шагов, как его без малого сшибла с ног щупленькая девчонка лет семи – белые от ужаса глаза, уродливо раззявленный рот, исцарапанное плечо, выткнувшееся сквозь драный ворот сорочки (которая, как и любая одежда, такой вот ночью равнозначна предупреждению "не троньте меня!")... Выломившись из кустов, девчонка слепо грянулась о Кудеславов бронный живот, отлетела и снова... то есть снова грянулась бы, не спохватись Мечник отшагнуть в сторону.

А причина девчонкиного смертного ужаса была близка; она – причина – трескуче пёрла через подлесок, тяжело дыша и на каждом выдохе сплёвывая однообразную полупросьбу, полугрозу: "Погоди... Погоди... Погоди..."

Он тоже не заметил Кудеслава, этот голый, в кровь исхлеставшийся о ветки парень; он ничего не видел перед собою, кроме спины вожденной беглянки, и потому наверняка не сообразил, что за каменная тяжесть с хряском врезалась ему в подбородок.

Удар получился не из ловких. То есть что там – вовсе скверным он получился, этот клятый удар.

Потирая ссаженные костяшки, Мечник тупо рассматривал лежащего навзничь парня.

Худосочный голенастый щенок. В прошлую Купалову ночь сам ещё одетым бродил, и вот – дорос, наконец, дорвался до лакомого... А только, поди, с первого раза не вышло; поди, обломились ему лишь злые издёвки, от которых сопливым дурням жизнь не в жизнь... Вот и кинулся на такую, которая уж точно не осмеёт, не ославит жалким партачом, не отобьётся...

Что ж, он-то дурень. А ты?

Да, сопляк худое затеял: подобные дела Купале не в угождение, а вовсе наоборот. Да, этот щенок по щенячьей своей неумелости мог бы до полусмерти измордовать девчонку.

Да, он – мог.

Мог БЫ.

Но теперь он валяется, как затоптанная тряпичная кукла-забавка; расквашенный подбородок его вздёрнут нелепо и дико, а ты стоишь рядом, нянчишь ушибленный кулак и пытаешься понять, как всё это могло случиться.

Кудеслав Мечник сломал подростку шейные позвонки. Нехотя, помимо воли... Да кто же тебе поверит, что нехотя?!

Спаситель, лешему б тебя на... Ради девки-недомерка взял да и убил человека... правда, сопляк ещё дышит, но не долго ему осталось дышать, ой как не долго!

Убийство сородича... За такое не отстрадаться ни вирой, ни даже отлучением от рода – тут тебе не Урманский край и не Приильменье, тут порядки дремучие. По установленью, ведущемуся от самого Вятка, некоему Кудеславу Мечнику в ближнем грядущем светит погребальный костёр этого вот пащенка. Только в отличие от пащенка, ты, Мечник Кудеслав, на этот костёр попадёшь живьём...

Жутчей всего, что на самого сопляка тебе наплевать; и что судьба твоя окончательно в овраг покатилась – это тоже, в общем-то, тьфу; муторно да гадко на душе лишь от того, что ты (ты!) по-глупому не соразмерил крепость удара.

Только правильной бы сказать не "по-глупому", а "по-злему".

Злобен стал ты, Мечник Урман, от неприкаянности своей, а злоба воинским навыкам смертная ворогиня...

– Гляжу я, теперешняя Весёлая Ночь горазда и на печали...

Нет, Кудеслав не вздрогнул, не обернулся, а только подумал с безропотной покорностью: всё, дожил. Кто-то сумел подобраться нерасслышанным, незамеченным... Кто? Да какая тебе, к лешему, разница, ты, Мечник, напрочь и окончательно переставший быть воином?!

– А и непочтителен же люд у вас во граде... – исполненный вроде бы вполне доброжелательной укоризны голос безвестного скрадника вынудил Кудеслава зябко передёрнуть плечами. – Здравствоваться со старшим думаешь, нет ли?

Мечник, наконец, оглянулся.

Обнаружившийся вблизи незнакомый сухощавый мужик на первый взгляд показался ему чуть ли не сверстником. Мужик как мужик... Видать что малозажиточный – одет (одет?!) в небелёную пестрядину, на ногах ветховатые лапти... Бородёнка серая какая-то, и волосья такие же, только их, волосьев, почти не видать под широченным оголовным ремнём...

Э, погоди!

Не зря, вовсе не зря было сказано про "здравствоваться со старшим" – никакая он тебе не ровня летами, просто его седина украдена въевшейся копотью. И что там ещё было сказано – у ВАС во граде?!

Эти рваные суетливые мысли замельтешили в Мечниковой голове уже после того, как незнакомец чуть повернул голову и лунный блик провалился под его нависающие кустистые брови.

Глаза.

По-ледяному прозрачная дальнозоркая синева.

Сквозь такое смотрят на мир лишь мудрые свирепые птицы, да ещё мудрецы из людей, чья труднообразимая древность не умучила разум, а придала ему надчеловеческую пронзительность.

Можно ли не узнать такое? Нельзя – даже если видишь впервые в жизни.

Кудеслав узнал. А узнав, обрадовался. Выходит, покуда ещё рановато совсем уж определять в упокойницы воинскую сноровку железноголового Урмана Мечника. Потому что никому не зазорно хоть в чём угодно уступить Звану Огнелюбу, столетнему главе кователей-колдунов.

Вот только для чего бы это помянутый глава забрался в такую даль от ковательской слободы?

Спохватившись, Кудеслав принялся, наконец, бормотать здравствования. Получалось у него что-то излишне витиеватое и утомительно многословное (сказалось-таки пережитое волнение), однако старый кователь не перебивал, слушал с видимым удовольствием. Мечниковы изливания оборвал – вдруг, на полуслове – сам Мечник, когда обратил внимание на крохотный тусок у Званова пояса. Тусок этот был расписан наговорным узорочьем, каким знахари-ведуны заманивают в свои лукошки редкостные целебные травы. А ещё из-за опояски кузнеческого старейшины торчала лозовая рогулька. Кудеслав не однажды видывал подобные и у отца-упокойника, и у волхва Белокопя – этакие гибкие рогулины помогают выискивать места, где земная сила всего сильнее.

Боги пресветлые, светлые и остальные! Неужто Зван Огнелюб тоже занят дурными поисками?!

– Вот ты и придумал ответ на все свои недоуменья, – усмешливо хмыкнул Зван.

Он заинтересованно оглядел вытянувшееся Кудеславово лицо; пожал плечами:

– Чего тарачишься, ровно сом на портки? Велик ли труд дознаться про твои мысли, коль они у тебя на роже ясней-ясного изображаются?

Задёргался, захрипел валяющийся на земле парень, и усмешливость мгновенно сгинула из Огнелюбовых глаз.

– Отходит... – глава кователей склонился было над бесталанным мальцом, но тут же вновь выпрямился и хмуро зыркнул на Кудеслава:

– Как же это ты?.. Смекаю, вряд ли бы единственный во племени обладатель ратных припасов раздавал их в чужие руки; стало быть ты и есть он... Так как же ты, Мечник, сподобился оплошать? А?

Мечник заспешил с объяснениями – и как именно сподобился, и что этому предшествовало. Впрочем, его рассказы Звану требовались меньше, чем, к примеру, лягве копыта.

– Всё то мне ведомо, – буркнул Зван, досадливо отмахиваясь от Кудеславовой скороговорки. – И крик я расслышал, и беготню... Жаль только, не достало прыти раньше тебя подоспеть. – Он вдруг вздохнул как-то совершенно по-бабьи. – Эх, ты, Мечник – голова-с-плечник... Ты, небось, умным себя считаешь, а тех, которые в Купалову Ночь папоротниковые цветы выискивают, мнишь дурнями... А не заведи сюда такие вот розыски меня, дурня, кто б твою умную голову выручил? Эх-хе, истрачивай теперь из-за тебя...

Кудеслав мгновенно стряхнул почтительность и ошетинился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.